Мирна Грант

ВАНЯ

История гонимой церкви в личностях

2

МИРНА ГРАНТ

ВАНЯ

Christliche Verlagsbuchhandlung Paderbom

Издательство "Христианская Заря”,

г.Кременчуг, Украина.

Мирна Грант ВАНЯ

Документальная повесть о гибели в армии бывшего Советского Союза верующего солдата Ивана Моисеева написана на основе оставшихся после трагедии магнитофонных записей. В книге приведена и официальная версия смерти юноши.

Перевод с английского.

Редактор Лариса Демченко. Технический редактор Константин Бондарь. Ответственный за выпуск Феликс Хмельковский.

Христианский благотворительный фонд «Стефанус», 1995г.

Christliche Verlagsbuchhandlung 2001 Friedrichstr. 23; D - 33102 Paderborn Издательство “Христианская Заря”

ул.Бутырина, 37А, г.Кременчуг, Полтавская обл., 39600, Украина

Отпечатано в типографии издательства "Христианская Заря".

ПРЕДИСЛОВИЕ

С восхищением и благодарностью:

— моим братьям и сестрам во Христе, которые сильно рисковали, распространяя по всему бывшему СССР и на Западе историю, случившуюся с Иваном;

— молодому русскому солдату, который, подвергая себя опасности, встретился со мной дождливым днем на московской улице и, получив крошечный «Новый Завет», произнес: «Это самый дорогой подарок, который я мог бы получить».

«Храня молчание о зле, хороня его так глубоко внутри нас, что оно нигде не всплывает на поверхность, мы сажаем его, и оно вырастает в тысячу раз большим в будущем»

Александр Солженицын «Архипелаг Гулаг»

Я беседовал о нем с людьми, которые были лично знакомы с ним. Например, с Эдом, молодым африканцем, который учился в Керчи, там, где Ваня проходил военную службу. Они встретились за несколько дней до смерти Вани, вместе молились, вели разговор, пытаясь морально поддержать друг друга.

Для Эда Ваня — символ русской души, которая никогда не уподобится просто образу «человека и его так называемого учения», так высокомерно воздвигнутому атеистами. Эд рассказал мне и о незыблемости убеждений Вани и о его силе претворять их в жизнь. Он никогда не искал компромиссных решений. Они ему были не нужны — правда всегда победоносна, всегда и везде.

Из-за своей связи с Ваней, в результате которой Эд глубоко проник в суть духовной борьбы, бушующей в России, он был депортирован из страны. Необходимо было также расправиться с самим Ваней. Но этого нельзя было достичь посредством его высылки. Для него был уготован другой путь, о котором и расскажет эта книга.

Я также разговаривал с его пастором. Мало кто из христианских руководителей будет когда-либо иметь честь сказать о ком-либо из своих прихожан то, что этот человек сказал о Ване. В возрасте 16 лет — к тому времени он не очень давно знал Господа — он уже проповедовал в церкви. Он во всем следовал за

Иисусом и хватался за любую возможность засвидетельствовать свою преданность Господу. Жизнь Вани была одной напряженной молитвой.

Что оставалось всемогущему Богу, кроме как ответить на его молитвы?

Ваня и сегодня продолжает разговаривать с молодежью России. Его пламенные проповеди обратили в веру многих молодых людей, и еще большее число людей стало верить в Бога, узнав о его смерти.

Для опубликования истории Вани было использовано то же тайное издательство, которое выпустило тысячи экземпляров Библии и сборников церковных гимнов. Этот факт послужил причиной напряженнейших поисков, предпринятых органами КГБ с целью обнаружения этого издательства. В результате сотрудники тайного издательства были арестованы. Девять молодых людей, таких же преданных делу, как Ваня! Им были вынесены приговоры от 2,5 до 4 лет каторжных работ в лагерях.

Сотрудники КГБ тщательно «прочесывали» всю страну, пытаясь найти запрещенные публикации о Ване. Агенты КГБ врывались в дома верующих. Однажды им несказанно повезло. Один из работников КГБ наткнулся на какую-то книгу, открыл ее и возбужденно воскликнул: «Да, здесь есть кое-что о Моисееве. Послушайте, здесь говорится: «Первая книга Моисеева».

Он нашел Библию. А там действительно на одной из первых страниц написано: «Первая книга Моисеева». Фамилия Вани и имя автора Книги Бытия (Моисей) звучат одинаково по-русски!

Библия занимала главное место в жизни и поступках Вани. Можно ли найти какую-либо другую книгу, которая могла бы так радикально изменить его и подготовить к вечности? Существует ли какая-либо другая книга, кроме Библии, которая может таким же образом изменить русских, англичан и весь мир?

Эта книга рассказывает о творении Господа, о власти Божьего Духа восстанавливать силу в людях. В ней также говорится о том, что такое атеизм: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс.13:1). И о Иисусе, который своей смертью и воскресением приобрел право владеть миром. Только Он один! И о полном признании этого права, и о последствиях этого. Эта книга о тех, кто заплатил свою цену за веру в Иисуса.

Меня очень тронула эта книга. И я спросил себя: «Случись так, что меня арестуют из-за моей веры, будет ли достаточно доказательств, чтобы осудить меня и сделать из меня «очевидца-мученика?» Дело Вани изобиловало доказательствами. Отсюда и появилась эта книга.

Со страхом и трепетом, благоговея перед Господом нашим Иисусом Христом, я хочу поставить свою подпись на ходатайстве о присуждении ему звания Мученика.

Брат Эндрю Гардервник, Голландия
25 сентября 1986 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

16 июля 1972 года в Крыму погиб юноша, солдат. Он был верующим, и причиной его смерти стало насилие над ним. Подробности того, как и почему это произошло, описаны в этой книге. Приведенные здесь факты подтверждены документально.

Смерть Вани была неординарным событием и привлекла внимание тысяч (возможно даже миллионов) людей всего мира к Советскому Союзу и его политике по отношению к религии. Убийство этого юного баптиста — это необычное явление. Церковная община, к которой он принадлежал, скорбит и о другом мученике за веру — Николае Хмаре, убитом в сибирской тюрьме еще в 1964 году. Молодые баптисты слагают стихи об этих двух мучениках и декламируют их на собраниях, чтобы эти стихи вдохновляли других верующих. И хотя смерть Вани Моисеева не является типичной, она ярко показывает ситуацию, которая потребовала вмешательства не только христиан, но и всех людей доброй воли, где бы они ни жили.

Дело в том, что в бывшем Советском Союзе враждебность Советов к религии сводилась от мер жестокого тайного преследования до более искусной идеологической борьбы. Но ни на секунду советское правительство не расставалось со своей провозглашенной им задачей искоренить все религиозные пережитки.

Эта воинственно-атеистическая политика коснулась всех церквей бывшего Советского Союза. В первые годы после 1917

года именно ортодоксальная православная церковь больше всего пострадала от атеистических атак, в то время как баптисты и другие конфессии имели относительную свободу, которую они использовали насколько могли.

Но это продолжалось недолго, поскольку Сталин все крепче и крепче брал правление в свои руки.

Во время террора 30-х годов тысячи христиан и других верующих пострадали и умерли от сталинской чистки. Вторая мировая война резко изменила ситуацию, в которой оказалось правительство. Она требовала максимальной поддержки народа, так как страна несла все более тяжкие потери. Правительство взывало к русскому патриотизму и призывало церкви сплотить и поднять своих прихожан на борьбу за национальное дело. В личных встречах между Сталиным и церковными лидерами заключались соглашения, которые и привели к ослаблению давления на церковь, а затем к «религиозному возрождению», что, очевидно, поразило власти, считавшие, что с верой покончено.

Однако новая политика была непродолжительной. Как только миновали тяжелые для страны времена, былые формы репрессий возвратились. Затем наступило время Хрущева. Несмотря на то, что Хрущев слыл человеком свободомыслящим, он фактически развернул бурную кампанию против религии, которая продолжалась с 1959 по 1964 гг., те. до отстранения его от власти. В стране в то время было закрыто около половины православных церквей. Кроме того, баптисты испытали новую волну репрессий.

Одним из проявлений этого давления было введение некоторых новых распоряжений, которые, хотя и были представлены церквам самими баптистскими лидерами, однозначно являлись результатом государственного давления. Эта кампания вызвала острую реакцию среди верующих баптистов по всей стране. Была образована «группа содействия» с целью выработки требований к Верховному Совету поставить все на свои места. Однако цель не была достигнута и в 1965 г. произошел окончательный раскол в рядах баптистов. Отколовшаяся в 1965 году группа существует и по сей день фактически на нелегальном положении. Она называется Совет Церквей Евангельских Христиан-Баптистов и именно к этому движению принадлежал Ваня Моисеев. Лидеры этой группы призывают к непреклонной верности Христу, к постоянному

духовному обновлению, к евангелизации. Они также призывают к справедливости по отношению к верующим и соблюдению законности. И, таким образом, их можно рассматривать как сторонников движения за права человека, в которое они внесли большой вклад. Можно сказать, что они в значительной степени осветили тропу следования в борьбе за человеческие права в СССР, о которых много писали в последние годы. Баптисты первыми на высоком профессиональном уровне публиковали нелегально документы, листовки и даже издавали регулярные журналы, рассказывающие о своей жизни и проблемах. Они также регулярно печатали списки членов своей группы, находившихся в тюрьмах, прилагая подробную информацию о них, включавшую даже адреса сотен трудовых лагерей. Эти сведения являются бесценными для исследователей. Вот тот фон, на котором следует рассматривать убийство Вани Моисеева. Это был зверский акт, разоблачающий страх и злобу маленькой кучки людей, стоявших у власти.

Будем надеяться, что антирелигиозные кампании, подобные тем, которые имели место во времена Сталина и Хрущева, не повторятся. Одним из факторов, способных предотвратить их повторение, могла бы быть постоянная обеспокоенность за судьбу христиан сегодня и благородность поступков всех тех, кто прочтя эту книгу, не будет безразличен к судьбе ее героя.

МИШЕЛЬ БОРДО
Директор Центра по изучению религии и коммунизма

Кент, Англия

Праздничная толпа медленно выходила из здания цирка. В толпе можно было легко распознать не только студентов, детей, со сверкающими от удовольствия глазами, но и туристов, приехавших со всего бывшего Советского Союза и дальнего зарубежья. Фонтаны на цирковой площади разбрызгивали прохладу в раскаленный после дневной жары воздух. Но среди этой толпы шел человек, вселяющий страх местным властям. Его глаза искали американских друзей, которых он обещал встретить.

В минувший вечер я сидел в одном маленьком молитвенном доме и слушал, как он читал страстную проповедь о могуществе Бога. Он цитировал Давида Ливингстона и Достоевского, ставя их в пример пастве, — людей, которые рисковали всем во имя веры.

Сейчас, спустя двадцать четыре часа, за ним по пятам шел работник КГБ, и он знал это. Он терзался в муках обеспокоенный тем, что может навлечь беду на свою семью, свою церковь, своих американских друзей. Я вдруг почувствовал, что чувство паники охватило меня. Слова пастора, обращенные ко мне, показались мне безрассудными: «Я не могу говорить: за мной следят. Да благословит Вас Бог. До свидания». В то же мгновение он исчез в толпе. Почему? Почему кого-то должно беспокоить то, что двум американским христианам и русскому пастору нужно было лично поговорить?

Именно в тот момент я понял, что должен написать книгу об Иване. Его яркая жизнь — это история всех верующих в бывшем Советском Союзе — кротких, смиренных граждан, чьи жизни — это ничто иное, как калейдоскоп из страха, неуверенности, осторожности, жертвоприношения, невероятного мужества, терпения и радости.

Иногда бывало трудно расспрашивать об Иване в самой России, т к. КГБ проводило агрессивную кампанию с целью найти и уничтожить документы, которые публикуются в этой книге, а также запугать и арестовать верующих, которые распространяли историю Вани. Но, несмотря на опасность, верующие испытывали страстное желание говорить. Зачастую слезы накатывались на глаза мужчин и женщин, повествующих о происшедшем. Нигде, ни в одном городе я никогда не спрашивал об Иване, но обнаруживал, что о нем знают.

Одна молодая женщина, инженер-химик из Омска, рассказала мне о политическом собрании, созванном руководством фабрики с целью опровержения «ложных слухов» о смерти Ивана.

Будучи в Грузии, мне пришлось однажды в парке поговорить с женщиной средних лет, с которой мы условились о встрече заранее. Ее глаза были красными от слез. Оказалось, что несмотря на то, что она все же пришла в назначенное время, у нее случилась большая неприятность. За день до этого, вечером, когда она была в молитвенном доме, в ее жилище провели обыск. Агенты КГБ искали материалы, касающиеся Моисеева, но ничего

не нашли, потому что она успела за день до этого отдать их. Вместо них они забрали все ее записи, вырезки из прессы и другие материалы, в том числе Священное Писание. Рассказывая о том, что с ней случилось, она пыталась сдержать слезы, но, в конце концов, разрыдалась и все время повторяла: «Это ужасно. Это ужасно».

В связи с тем, что у Вани были близкие родственники в Германии, его семье после трагедии, связанной с их сыном, позволили эмигрировать. Позже у них бывал также один из верующих той же церкви, к которой принадлежал и Иван. Он был на его похоронах. Все они испытывали постоянную потребность в беседах о пылкой вере Ивана и решили оказать посильную помощь в издании этой книги. Каждый из них мог бы рассказать свою собственную историю о лично перенесенных страданиях.

Русский писатель Александр Солженицын обращал внимание мировой общественности на нарушение основных прав человека в СССР. Он был одним из немногих, кто выступал в поддержку диссидентского движения в Советском Союзе, представляющего собой группу интеллектуалов, которые активно защищали свободу мысли и высказываний и осуждали советскую систему коммунистического террора.

Не все в свободном мире знают, что в Советском Союзе существовало еще одно движение протеста. Оно выросло среди репрессированных и страдающих евангельских церквей по всему бывшему СССР. Некоторые местные церкви выражали протест индивидуально. С 1964 г. в Москве существовала организация с особым названием «Союз родственников заключенных». Эта группа взывала к свободе религии и решительно выступала против дискриминации, преследования, арестов, а иногда даже и убийств христиан в СССР.

Союз не имел защиты со стороны международной общественности. Его лидеров неоднократно арестовывали и ссылали. Но их место занимали столь же смелые и энергичные новые лидеры, и деятельность союза продолжалась.

Именно к этой организации обратились за помощью родители Ивана Васильевича Моисеева. Благодаря ее усилиям, история Ивана попала на Запад. Мужчины, женщины и молодежь этой организации рисковали своей свободой и жизнью, рассказывая о смерти Ивана.

Люди доброй воли во всем мире были возмущены игнорированием основных человеческих прав в тоталитарном обществе. Но этого было недостаточно. Нужно было наращивать общественный протест на всех уровнях свободного общества, с помощью которого можно было бы выступить в защиту этих бессильных людей, ставших жертвами репрессий.

Ванину историю я написал, помня тот голос, который обратился к Иоанну в Патмосе, говоря: «То, что видишь, напиши в книгу». Тот же голос так же сказал: «Действуй, а не только слушай».

СЛЕЗАМИ ГОРЮ НЕ ПОМОЖЕШЬ

Анна Константиновна больше всего не хотела, чтобы наступило время, когда должны были привезти гроб. С момента получения 17 июля телеграммы из армии она боялась именно этого момента. Она медленно перевела взгляд и посмотрела своими опухшими от слез глазами туда, где в заполненной толпой людей гостиной стоял ее муж Василий Трофимович. Рядом с ним толпилась группа братьев из молитвенного дома. На их лицах была глубокая печаль. Только лицо ее мужа было скрыто от ее взора, так как голова его была резко наклонена вниз.

Но этот момент наступил. Машина, везущая гроб с телом Вани от железнодорожной станции, уже тормозила на обочине дороги перед окнами дома. Сквозь кружевные занавески, неподвижные в июльской жаре, Анне был виден военный эскорт, следующий за грузовиком. Трое военных, одетых в серую форму Советской Армии, застыли возле своей машины, когда гроб осторожно снимали с грузовика и опускали на плечи мужчин. Ее сын, Семен, провел их через деревянные ворота к дому.

При виде военных жуткий страх Анны перед тем, что ей предстоит, внезапно исчез. Не будет никаких рыданий, не будет обмороков при виде ее мертвого сына. Она соберет всю свою силу воли. Вдруг она встретилась глазами с мужем. Он тоже был готов. Казалось, им овладела неимоверная сила.

Офицер и сержант неуклюже вошли в комнату, пригнув головы, чтобы пройти через низкий дверной проем. Они чувствовали себя неловко, ибо осознавали, что им не рады в

переполненной гостиной, где вдруг возникла атмосфера напряженности и отчуждения. Деревенские люди отступили от них, образовав узкий проход через всю толпу, в конце которого стоял Василий Трофимович.

Гроб приближался, поддерживаемый на вытянутых руках четырьмя молодыми парнями, друзьями Вани. Анну поразил его огромный размер и блеск металла. Ее муж слегка покачнулся, когда ребята опускали гроб на стол, который она приготовила. Большинство женщин, стоявших рядом, были в темных платках, низко повязанных на лоб, как носят старушки. Некоторые начали плакать, уткнувшись в белые носовые платки.

Впервые Анна заметила, что гроб был закрыт и заварен сварным швом. Старший из прибывших, капитан Платонов, нервно прокашлялся и слегка поклонился родителям.

— От имени командира и личного состава части я передаю родителям, родственникам и товарищам рядового Ивана Моисеева наши соболезнования по поводу трагической смерти этого молодого советского солдата.

Он неловко переводил взгляд с одного лица на другое по всей комнате, всякий раз встречая ответный взгляд.

Анна под шалью перебирала пальцами письма Ивана, которые он прислал накануне смерти. Как будто стараясь уберечь от капитана частичку своего сына, она прижала к себе тонкие письма, защищая их ладонью от казенных слов Платонова. Она сложила их в маленький пакет в соответствии с датами на почтовых штемпелях: 15 июня 1972; 30 июня 1972; 9 июля 1972; 14 июля 1972; 15 июля 1972. Ей казалось, что эти даты кричат, протестуя против лицемерия перед гробом. Соболезнования! Ее глаза горели от гнева.

— Мы настаиваем, чтобы гроб моего сына открыли, — сказал ровным голосом Василий Трофимович.

— Но в этом нет необходимости! — ответил Платонов более резко, чем того хотел, в результате чего в конце душной комнаты поднялись некоторые из склоненных голов. — Тело вашего сына уже было опознано в Керчи вами и вашим сыном Семеном.

Он приложил ко лбу сложенный носовой платок, а затем продолжил более мягким тоном:

— Я понимаю, насколько тяжело было это для вас и вашей жены, поэтому вы должны избавить себя от еще больших страданий.

Он почти перешел на шепот:

— Смерть утопленника могла... сильно обезобразить его.

Помогая себе свободной рукой, Анна пробралась к мужу.

— Товарищ офицер...

— Платонов, — отрекомендовался капитан.

— Как мать Ивана, я настаиваю на том, чтобы гроб открыли. Я хочу видеть своего сына. И мы желаем, чтобы он был похоронен в гражданской одежде. Это наше право.

Через толпу передали лом и отдали его Василию Трофимовичу. Платонов наклонился и зашептал что-то сержанту. Мгновением позже отец Вани воткнул конец лома в отверстие, сделанное им под крышкой гроба. Офицер движением руки остановил его.

— Очень сожалею, товарищ Моисеев, вынуждены покинуть вас. Требует долг. А то, что вы намерены сделать, неразумно.

Взглянув на Семена, стоявшего рядом с отцом, они прошли сквозь толпу и исчезли.

И снова Василий Трофимович поднял лом к крышке гроба и надавил вниз. В то же самое мгновение, когда гроб заскрипел, произошло так много непредвиденного, что Анна стояла, оторопев, не способная понять, что происходит. Как безумный, Семен бросился на гроб, обхватил руками крышку и закричал голосом, полным душившего его протеста:

— Папа! Нет! Папа! Не открывай его! Лом с грохотом упал на пол. Василий Трофимович пытался оттолкнуть своего старшего сына, чтобы тот не мешал ему. Люди протискивались вперед, чтобы увидеть, что же вызвало такое нарушение тишины.

— Что происходит? — спрашивали кругом.

— Семен дерется со своим отцом.

— Не дерется. Он не позволяет ему открыть гроб.

— Кто дерется? Я не вижу. Какой позор! Два пастора в черных костюмах быстро двинулись к Семену, схватили его за руки и оттащили от гроба. Несколько женщин в дальнем конце комнаты стали громко молиться, и их молитвы то становились громче, то снова затихали, утопая в стремительном потоке эмоций и слез. Семен отчаянно пытался вырваться от удерживающих его

пасторов, тянул их в сторону от гроба и говорил приглушенным голосом:

— Папа! Папа! Мама! Пожалуйста! Оставьте Ваню в покое! Не открывайте гроб.

Анна пристально посмотрела на своего сына. В результате такого замешательства она вдруг почувствовала себя очень усталой. Когда—то очень давно она гордилась мальчишескими амбициями Семена, его мечтами оставить изнурительный труд в колхозе и уехать учиться в город. В школе он учился усердно и когда однажды он пришел со школы домой с красным галстуком юного пионера, неодобрение семьи не смогло убедить его снять его. Он стал Моисеевым, с которым надо было считаться, полным собственного достоинства и уверенности в своем будущем. Теперь, видя как неистовый страх превратил Семена в умоляющего испуганного ребенка, она отвернулась. Вот к чему привели его хвалёные достоинства комсомола: он помогал тем, кто был заинтересован спрятать тело его собственного брата.

Пасторы вытолкнули Семена сквозь толпу на улицу, в крошечный садик, где росли неухоженные цветы, а затем тихо закрыли дверь. Василий Трофимович налег на лом, и слабый треск привлек внимание жителей деревни к гробу, который освещало утреннее солнце. Крышку гроба робко подняли.

Пасторы вышли вперед и в нерешительности взглянули на тело. Анну охватила дикая паника, когда она увидела ужас, промелькнувший на их лицах. Один из самых старших, Федор Горектой, склонил свою белую голову над гробом, не глядя туда. Анна схватилась за руку сестры, стоявшей возле нее. Кто-то обнял ее и медленно повел к гробу. Анна слышала, как всхлипывает ее муж, но звук этот казался ей очень далеким. Ее дрожащее тело двигалось навстречу сыну, но душа, казалось, покинула ее, улетела прочь от того, что ей было невыносимо видеть.

Она силой заставила себя посмотреть в гроб и в недоумении замерла, вглядываясь в тело, лежащее внутри. Это был не Ваня! Она продолжала пристально смотреть, обеспокоенная тем, что не чувствует волны облегчения. Казалось, это был какой-то более взрослый солдат, с тяжелой челюстью, лицо его было с сильными кровоподтеками с обеих сторон, как будто после побоев. Разбитые губы опухли, а лоб и виски почернели и странно вздулись. Его

темные волосы были зачесаны назад так же, как это делал Ваня. У нее опустилось сердце.

Рядом кто-то жутко застонал. Вдруг на ее глаза навернулись слезы. До сознания матери дошло, что это был ее Ваня. Она тяжело опустилась и снова зарыдала.

БОГ НЕ БЕЗ МИЛОСТИ, А КОЗАК НЕ БЕЗ ДОЛИ: ТО ХУДАЯ, ТО ХОРОШАЯ — ВСЕ БУДЕТ

Ивана переполняло чувство благодарности Богу, когда он шагал под холодным ноябрьским небом через почерневшие виноградники. Церковные гимны вечера вертелись у него в голове и он полупел, полуговорил, мысленно обращаясь к Богу.

«Спасибо Тебе за молодежь, за прощальный вечер, за хлеб, виноград и мед. За свежий виноградный сок с наших собственных молдавских полей, и за Бориса, и за Владимира, и за Люду, и за Якова, и за Виктора, и за Светлану. Хвала Тебе, Господи, за Твое Слово, за проповедь Стефана и Саши. За день рождения Елены Кузьминичны, который позволил нам собраться».

Его мать, вглядываясь в крошечное замерзшее окошко кухни, следила, как шел он при лунном свете через поля.

— Интересно, какой получится из него солдат? — спросила она, скорее разговаривая сама с собой, а не со своим мужем, который в это время чистил ботинки.

Он с шумом опустил один ботинок на пол и выпрямился.

— Пока что Господь помогал нам, — сказал он.

Василий Трофимович был человеком, предпочитавшим тихую, размеренную жизнь и избегал неприятностей, как только мог.

— Да, мы свое прожили, — кивнула Анна, не поворачивая головы и продолжая смотреть в окно.

Ему вспомнились тяжелые сталинские годы. Как-то однажды Василий Трофимович слышал, как один человек в городе рассказывал, что в те суровые времена погибло около двадцати миллионов русских.

Анна не поверила тогда ему, потому что в это трудно было поверить.

Василий Трофимович наблюдал, как она задумчиво направилась к плите, выложенной кирпичом, чтобы подбросить дров. «Ему только восемнадцать, — думала она. — И только прошло два года, как он стал верующим. Ему придется трудно». Она потянулась за коробкой чая.

— Ему захочется выпить горяченького, сказала она.

Голос ее был тихим, но она не говорила шепотом. Василий Трофимович считал такую манеру тихо говорить каким-то особым русским умением. Молдаванам, по его мнению, нужно было поучиться этому у них.

Занавески тревожно поднялись, когда Иван открыл дверь и проскользнул внутрь, снимая перчатки с покрасневших от мороза пальцев.

По его улыбке Анна поняла, что сегодня был великолепный вечер.

— Много было молодежи? — спросила она, ставя чайник на плиту.

— Все. Стефан и Саша свидетельствовали.

— О! Стефан и Саша выступали! — высунулся из спальни Семен, где на своих кушетках и детских кроватках спали меньшие дети.

Он испытывал удовольствие от того, что заставлял своих родителей немного понервничать. Они не хотели, чтобы он слышал разговоры о верующих. И то, что они притворялись, будто им все равно, забавляло его.

— Привет, Ваня! Пришел домой с тайного заседания?

— Был день рождения Елены Кузьминичны, Семен. Тебе следовало бы тоже прийти.

— Я уверен, что никто даже не вспомнил, что это был твой последний вечер перед уходом в армию.

— Садись с нами пить чай, Семен, — сказала Анна с некоторым раздражением в голосе, расставляя на столе стаканы.

«Неужели Семен собирался ссориться с Ваней в последний вечер?» — думала с тревогой она.

— Хорошо, что Стефан свидетельствовал. Это, должно быть, хоть на короткое время отвлекло взгляд девушек от Ивана

Васильевича! — засмеялся Семен, видя, как густо покраснело лицо Ивана.

Анна улыбнулась:

— Из него выйдет хороший солдат.

— Он был хорошим шофером. Кстати, как здесь, в деревне, без тебя обойдутся? — Односельчане вскоре забудут обо мне, если ты будешь с добротой и любовью относиться ко всем.

Семен поперхнулся.

— Доброта! Придумал же! Доброта и любовь! Любовь — это вообще биологическое чувство. Все об этом знают.

Его взгляд остановился на прикрепленной к стене картонной табличке с надписью: «Бог — есть любовь».

— Как может Бог, который, как мы полагаем, есть Дух, иметь биологические чувства?

— Твоя любовь к маме тоже относится к биологическим чувствам?

Иван выпил чай и задумчиво поставил пустой стакан на стол.

— Конечно. Между нами существует зависимая связь, так как она меня родила.

— А когда ты женишься, неужели ты не будешь любить свою жену?

— А отношение к жене тем более основано на биологических чувствах, — Семен улыбнулся, слегка торжествуя. — Сначала это будет сексуальное влечение, а затем, я надеюсь, дружба, основанная на взаимоуважении.

Анна так энергично перемешала угли в огне, что несколько раскаленных угольков упало в поддувало. Ее муж принялся чистить второй ботинок.

Иван придвинул свой стул ближе к брату.

— А как насчет Молдавии? Какую любовь ты испытываешь к Молдавии? Что это?

Семен наклонил стул назад в позицию «крайней задумчивости», а затем решительно громко вернул его на место.

— Я пытаюсь доказать тебе, что в армии ты не встретишь ни доброту, ни любовь. Жизнь там — не шутка. Мне-то что, если ты не слушаешь меня. Можешь сидеть себе и улыбаться, если хочешь. Но послезавтра ты перестанешь улыбаться.

Иван оставался по-прежнему таким же спокойным и уверенным, как и его родители.

— Конечно же, я буду улыбаться, Семен. Ведь никто не заставляет меня идти в армию, потому что подошло время службы. Меня зовет туда Господь. Неужели он теперь бросит меня? Я так не думаю.

Семен попытался обнять брата.

— Нет смысла обсуждать это. Ты полон решимости испытать трудное время. Что ж, спокойной ночи!

Он взял одеяло и подушку, лежавшие на стуле возле обогревателя, и направился на маленькую веранду, где спал. У двери обернулся:

— Дело в том, что ты не сможешь там выдавать себя за счастливчика, болтающего о Боге и все время молящегося. Я говорю тебе, что в армии это не пройдет. Не моя вина, если ты меня не послушаешь.

Пружины его кровати заскрипели, когда он уселся на нее и стал снимать ботинки.

Василий Трофимович прервал тягостное молчание. Он говорил так тихо, что Анна перестала помешивать угли в огне, чтобы слышать его.

— Сын, ты должен делать то, что говорит тебе Господь. Если то, что Семен говорит, правда...

Он замолчал, не зная, что сказать дальше. Некоторое время он пристально смотрел на тлеющие угли в поддувале.

— Мне бы хотелось помочь тебе чем-то. Он с любовью смотрел в лицо сына.

— Твоя мать и я, вся наша семья, все братья будут продолжать молиться за тебя. Ты знаешь это.

Анна встала, распрямилась и подошла к плите. Сдвинув золу в один угол, она вновь села рядом со своим мужем и протянула руку к корзине с рукоделием. Сквозняком от окна тонкие портьеры, висящие на входной двери, выдулись в комнату, как будто пытаясь услышать разговор между отцом и сыном.

Ване была присуща уверенность во всем, которая не соответствовала его восемнадцатилетнему возрасту. Она была свойственна и братьям, вернувшимся после пребывания в трудовых лагерях. Они видели самое худшее и смогли вынести все благодаря вере. Казалось, лагерь все еще был у них внутри, они даже двигались не так, как все. Существовала поговорка, что

единственным местом, где можно быть свободным, является тюрьма. Однако, у Вани это чувство свободы было.

Казалось, что он так и не научился быть осторожным, оглядываться назад прежде чем говорить что-либо, оценивать тех, кто находится рядом. Даже те, кто посещали официально зарегистрированные молитвенные дома, испытывали чувство страха. Осведомитель мог заметить, что верующий, например, слишком долго беседует с посетителем, пастор слишком часто навещает своих прихожан или проповедует со слишком большим энтузиазмом. В незарегистрированных общинах (а их община была именно такой) осторожность еще в большей степени определяла способ их жизни. Но это отнюдь не касалось Вани.

Анна не могла удержаться от того, чтобы не бросить взгляд туда, где спал Семен. Затем она уклонилась от света, который падал на ее шитье, чтобы услышать, что скажет сын. Даже в тени она видела спокойную уверенность на его лице.

— Когда-то мне снился сон, — говорил он мягко. — Я стоял на посту с ангелом на большой скале. Начался сильный шторм. Я испугался и увидел корабль, который бросало в открытом море. Люди тонули, и ангел велел мне прыгнуть в море и спасти их. Помню, как я был в воде и каким-то образом вытащил многих людей на берег. Волны ревели, и когда я вытащил последнего человека, то упал без сил. Но ангел подобрал меня и возвратил на скалу, где я и остался на своем посту.

Анне хотелось бы узнать, о чем думает ее муж. Как можно было истолковать странную историю Вани? Но Василий Трофимович сидел молча, повернувшись лицом к сыну, как будто тот все еще говорил. Ваня продолжал:

— Господь велел мне говорить от его имени везде, где бы я ни был, но не молчать. Подтверждением этому есть то, о чем говорят наши пасторы, когда проповедуют: мы должны принимать любовь Бога и не бояться последствий. Стефан говорил сегодня вечером об этом же. Мы должны проповедовать свои убеждения везде: находимся ли мы в школе, на работе — повсюду, следуя примерам пророков и апостолов.

Некоторое время Василий Трофимович колебался, прежде чем заговорить. Наконец, он повернулся к сыну, слабо улыбнулся и крепко обнял. Долго держал он его в своих объятиях, а затем произнес:

—Значит, ты должен повиноваться Господу, Ваня. А мы будем молиться.

Эта ночь была длинной для Василия Трофимовича. Все дети спали. И Иван спал на кушетке, возле которой стоял уже упакованный чемодан. А его отец стоял на коленях возле плиты, усиленно молясь за своего сына.

БЕЗ БОГА НИ ОТ ПОРОГА

Было почти два часа утра, и у Ивана кружилась голова от того, что хотелось спать. В Одессе было холоднее, чем в Молдавии. Лежал еще не глубокий, но подмерзший и скользкий снег, на который спрыгивали призывники из гнетущей духоты армейских крытых грузовиков, доставивших их с железнодорожной станции. Теперь, когда они полускользили-полубежали, чтобы поспевать за сопровождающей машиной, указывающей им направление к расположенной впереди в темноте группе зданий, Иван пытался уловить хоть какой-то смысл в гамме голосов, доносившихся из разных мест в темноте.

— Эй там, быстро! Конвой опаздывает на час. Мы ожидаем здесь целый час. Смирно! Почему отстали? Пошевеливайтесь!

— Мне бы хотелось знать, как они будут распределены на ночлег в этот час? По нашим правилам все новоприбывшие должны быть здесь до десяти вечера.

— Что же вы теперь намерены делать? Оставить их на холоде всю ночь?

— Кто должен встречать? Где Каретко?

— Пусть кто-то сбегает за Каретко. Они прибыли.

Мрачная фигура офицера в шинели и шапке, натянутой на уши, неуклюже взобралась на несколько ступенек здания, перед которым остановилась мерзнущая группа солдат. Он резко произнес, что ввиду позднего часа, приветствия будут короткими, а солдаты будут распущены по своим казармам на ночь.

Казармами были большие мрачные здания, стоящие на площади. В свете прожекторов было видно, что здания пятиэтажные. Каждый этаж состоял из шести спальных помещений, в которых могло разместиться тридцать два солдата. Таким образом, на этаже получалось по 192 человека. В поезде

солдаты получили талоны, указывающие номер барака, этажа и помещения.

Им сообщили, что в шесть утра их разбудит сигнальная труба. У них будет сорок пять секунд, чтобы встать, одеться и заправить койку. Затем они получат дальнейшие указания. После этого сообщения прозвучала команда разойтись и мрачная фигура офицера исчезла за дверью.

Сразу же началось оживление. Со всех сторон слышались приказы, а новобранцы небольшими группами расходились по казармам. Вглядываясь в смятые голубые талоны, зажатые в руках, они напоминали многочисленных театралов, опоздавших к началу спектакля и ищущих свои места.

Казармы наполнялись незнакомым Ивану говором: литовским, белорусским, а также московским, сливавшимся с неторопливым, мягким говором Севера — и на каждом шагу вся эта смесь коек, рук, ног, смеха и ругани превращалась в сплошной круговорот.

К утру пошел небольшой снег. Крошечные снежинки падали на ресницы сигнальщика, на металл начищенного горна, который он приготовил для сигнала «Подъем!». Медленно он направил его на окна третьих этажей казарм, куда, как ему было известно, ночью были доставлены новобранцы. Никогда не слишком рано постичь суровость армейской жизни. Набрав побольше холодного воздуха в легкие, он подул.

Сигнальщик хорошо представлял себе происходящее сейчас в казармах: полный страха рывок, чтобы побыстрее одеться, не отстать, чтобы не подтрунивали, не высмеяли. Затем появится ощущение непривычной солдатской формы, оценка друг друга, пробежка по холоду в столовую на завтрак, состоящий из рыбы и чая.

Наступил первый день беготни от строевой подготовки к теоретической учебе, к занятиям по ориентации, к приему пищи, к физическим упражнениям. Он еще раз подал сигнал подъема в противоположном направлении. Ему оставалось служить лишь 11 месяцев. Солдаты его подразделения, обнаженным до пояса, уже торопливо выходили из казарм на утреннюю пробежку.

Трубач опустил сигнальную трубу и побежал к своей казарме.

Направляясь в столовую, Иван думал о том, что важно было найти место для молитвы. Уже сейчас толпы солдат, шум в казармах, практическое отсутствие возможности побыть одному

давили на него. Даже тополя, мимо которых он проходил, жались друг к другу, как будто врозь им было непривычно.

В огромной столовой стоял резкий запах рыбы. Дома в это время он молился бы. Зимой в такое утро, как это, двое младших его братьев спали, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Было приятно молиться возле них, когда они спали. Их ровному дыханию не мешал его голос.

Возможно, после еды он поищет укромное местечко. Но вот тарелки с рыбой опустели, а каждый из тридцати солдат за столом был все еще голоден. Они передавали туда-сюда тарелки с черным хлебом, пока и они не стали пустыми. Дневальный двигался среди столов с огромным чайником, разливая чай в поднятые металлические кружки.

От чувства одиночества у Ивана сжало горло. Конечно, все было так, как он и ожидал, но, возможно, он недооценил чудовищность предстоящего. Казалось, каждый замкнулся в своем собственном мирке, допивая до дна чай и вымакивая кусочком хлеба из своей тарелки. Затем каждый переступал через скамейку, ловко балансируя при этом тарелкой и чашкой, спеша к двери, на ходу обмениваясь несколькими фразами с теми, с кем познакомился в поезде. У входа столпилась небольшая группа солдат, в то время как другие протискивались сквозь них в морозный ноябрьский рассвет. «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным». Не вызывало сомнений, что это был именно тот Голос, который так много раз говорил в его душе. Иван положил вилку и ложку в кружку на тарелке, поднялся, перешагнул через скамейку и вместе с другими направился к двери. Первое, что ему нужно было сделать, это найти место для молитвы.

У сержанта Стрелкова было длинное гладкое лицо с впалыми щеками, которые он еще больше втягивал, когда был раздражен. В течении двух недель он пытался привести в порядок новое отделение; две недели одних и тех же вопросов, беспорядка, пререканий и нарушений. Кусок замерзшей грязи прилип к его ботинку и он с раздражением отбросил его. Этот новый призыв ему не нравился. Он перевел сощуренные на морозе глаза туда, где в дрожащем от холода строю пустовало одно место. Его внимание привлекло движение на ближнем краю площадки для

физподготовки. Он невозмутимо смотрел на опаздывающего, который бежал, что было сил. Это был Моисеев.

Хватая ртом воздух, он занял место в строю. Никто не шелохнулся, все только искоса посмотрели на него. Это доставило Стрелкову слабое удовлетворение. Может быть, из этого будет извлечен урок.

— Рядовой Моисеев! Доложите причину своего опоздания.

Вышколенное поведение Стрелкова было немым свидетельством того, что он сам никогда не опаздывал.

Обнаженная грудь Ивана вздымалась от долгого бега через поле. С тревогой смотрел он на сержанта, выравнивая дыхание. Пока Стрелков ожидал ответ на свой вопрос, в строю медленно росло напряжение.

— Виноват, товарищ сержант, я молился. Стрелков уставился на него. В серьезном выражении лица Моисеева не было и намека на издёвку. Кто-то в строю неожиданно кашлянул. Стрелков свирепо посмотрел на неподвижных солдат. «Неужели они думают, что я не вижу, как они давятся от смеха?»— пронеслось у него в голове.

Стрелков достаточно долго служил в армии и знал, как реагировать на беспорядки.

- На зарядку, рядовой Моисеев. По окончании доложите.

Он сделал шаг назад и обратился к строю. По его приказу солдаты рассыпались в разные стороны поля, чтобы начать общефизическую подготовку. Через мгновение плац ожил: солдаты прыгали, бегали трусцой, мелькали руки.

Ивану страстно хотелось отличиться при выполнении физических упражнений, чтобы реабилитировать себя в глазах товарищей за опоздание. В душе он радовался тому, что мог найти укромное место для молитвы. Вольнонаемная работница гарнизона заверила его, что комната, найденная им, бывает свободной до 10 часов утра. Она же лично отпирала ее в 5, когда приходила убирать. С тех пор каждое утро Ивана охватывало чувство благодарности Господу за посланное ему благословение. В комнате стоял кожаный стул, поэтому он мог стоять на коленях, а локти класть на его сидение. Широкая спинка стула закрывала его от окна, усеянного трещинами.

Но забыть о времени! Опоздать на занятия! Эти мысли не давали ему покоя. В это время он услышал, что Стрелков зовет его.

Сержант Стрелков был атеистом в третьем поколении. Стрелкова тревожило присутствие в армии того, что он называл «буржуазными пережитками». Он потер руки от холода и зашагал, давая Ивану знак головой следовать за ним.

— Так что там насчет молитвы, Моисеев? Ты не шутил?

— Никак нет, товарищ сержант.

— В таком случае, что с тобой?

— Ничего, товарищ сержант. У меня все хорошо.

— Ты православный? Ты состоишь в какой-либо церкви? — Стрелков пытался сообразить, был ли сегодняшний день каким-либо православным праздником. В религиозные праздники то и дело случались инциденты.

— Нет, товарищ сержант, баптист.

Это было хуже. Баптисты были непредсказуемы и упрямы. Будучи комсомольцем, Стрелков проводил антирелигиозные мероприятия в сельской местности. Баптисты тоже приходили, но зачастую они давали такие пространные ответы на религиозные вопросы, что было трудно взять над ними верх.

— Здесь это не пройдет, Моисеев. Молитвы. Религия. Печально находить религиозные пережитки в нашей жизни, а особенно здесь, в Советской Армии. Тебе придется поменять свои взгляды.

Иван продолжал молча идти рядом с сержантом, размышляя, ждет ли он от него ответа.

— Я уверен, что после того, как ты окунешься в армейскую жизнь, когда у тебя появятся друзья, ты поймешь, что твои религиозные взгляды — это детство.

Ведь Россия смогла стать сильной только после того, как сбросила оковы царизма и церкви. И то же самое можно сказать о человеке.

Стрелков стоял на снегу, переминаясь с ноги на ногу и поеживаясь от холода. Он смотрел вслед Ивану, который бежал через поле к своему отделению. Разговор не доставил ему удовлетворения. Другие солдаты тоже слышали, как Моисеев сказал, что он молится. Нужно поставить в известность замполита роты.

Кабинет замполита был тускло освещен. Слабый зимний свет, пытавшийся пробиться в комнату, задерживали мягкие зеленые портьеры, висевшие на удручающе грязных окнах. Замполитом был капитан Борис Заливако, невысокого роста, мощного телосложения, с невероятно густыми бровями. Факт опоздания новобранца не представлял для него никакого интереса, но рассказ Стрелкова о причине его опоздания, вызвал у него довольно большой интерес, если это, конечно, не было глупой шуткой Моисеева.

Ожидая Моисеева, Стрелков ощущал неприятное предчувствие. Возможно, не следовало так серьезно воспринимать Моисеева. Он жалел о том, что затеял разговор с ним, который явно не удался. Стрелков надеялся дать ему совет, помочь. Может быть, Моисеев разыграл его, но в таком случае солдаты могут подтвердить его слова. Стрелков пытался вспомнить, кто стоял в тот момент достаточно близко возле него в строю и мог отлично слышать сказанное.

Капитан Заливако лениво посмотрел на Моисеева, стоявшего по стойке «смирно» по другую сторону стола. Он быстро и энергично отдал честь. Заливако отметил спокойствие, с каким Моисеев встретил его взгляд. Молодой парень был уверен в себе, но в выражении его лица не было и намека на высокомерие.

Заливако жестом велел ему сесть.

— Ты не похож на того, кто опаздывает на занятия. В чем причина того, что ты не являешься вовремя вместе с остальными солдатами твоего отделения на физ-подготовку?

— Сожалею об этом, товарищ капитан. Это больше не повторится.

— Ты не ответил на мой вопрос. Чем ты объяснишь свое опоздание? — В голосе Заливако появилось напряжение. Ему не понравилось, что Моисеев уклоняется от ответа.

— Я молился, товарищ капитан.

Ответ повис в воздухе, поглощенный молчанием присутствующих.

Стрелков облегченно вздохнул. «Все-таки я поступил правильно, — подумал он, доложив о Моисееве. — Каждый знает, что религия — угроза советскому строю, в какой бы безобидной форме она ни проявлялась. Даже Ленин говорил, что целью

Коммунистической партии является освобождение рабочих масс от религии». При этом Стрелков подтянулся.

Заливако постучал пальцами по столу:

— Кому ты молился?

— Богу, товарищ капитан. Творцу вселенной, Который любит всех людей.

— Богу?!

Заливако глубоко вздохнул, закрыв глаза.

— Научно доказано, рядовой Моисеев, что Бога не существует. Наши советские ученые тщательно изучили этот вопрос и доказали, что Бога нет. Идея о Боге была выдумана первобытным человеком, пытавшимся таким образом объяснить многие явления природы.

— Это то, чему учат атеисты, товарищ капитан.

— Это верная точка зрения. Это позиции Коммунистической партии, правительства и Академии наук.

— Товарищ замполит, я знаю, что атеизм — это официальная точка зрения, но Библия учит, что Бог создал человека после того, как он создал всю вселенную. Это — христианское убеждение.

На столе перед Заливако лежал листок бумаги, на котором он что-то писал. Он задумался.

— У тебя есть Библия?

— Нет, товарищ капитан.

— Имей в виду, что Библия запрещена в армии. Она способствует развитию пассивной личности и раболепства. Я даже не могу понять, что в ней находят интересного.

— Библия может изменить жизнь, товарищ капитан.

— Армия меняет жизнь, Моисеев. И взгляды в том числе. Это настоящая правда, а не та, что провозглашает твоя Библия.

— Я готов честно служить в армии в полную силу своих способностей.

Заливако начинал сердиться. С религиозными новобранцами трудно было иметь дело. Все верующие, считал он, — лживы. Внешне они производили впечатление тихих, миролюбивых, безвредных людей. Но, прикрываясь добродетелью, они распространяли свое ложное учение.

— Счастлив слышать это от тебя, Моисеев. Такое заявление, естественно, означает, что ты решил отбросить свои пагубные идеи о Боге и стать настоящим советским солдатом. Я рад за тебя.

Стрелков с восхищением посмотрел на капитана Заливако.

Заливако знал, как убеждать. И он продолжал, не обращая внимания на страдание, написанное на лице Моисеева:

— Я лично буду следить за совершенствованием твоих взглядов и активным участием в боевой и политической подготовке.

Заливако поднялся со стула и пристально посмотрел на Моисеева, ожидая от него ответа. «Мальчишка будет дураком, — думал он, — если не воспользуется лазейкой, которую я предоставил ему».

— Как советский гражданин, я счастлив служить в армии. Но есть и другое место, куда я также принадлежу. Это царство Бога. Оно никогда не сможет стать угрозой советскому государству, потому что это царство находится в сердцах верующих, а его законы — это законы любви. Я не могу отречься от моего гражданства в этом царстве или от моей верности Царю, который есть Бог. Он строит свое царство везде, даже в нашей стране, царство прощения и любви.

Голос Заливако задрожал от злости:

— Мы покончим, Моисеев, и с царствами, и с царями. Здесь место только тем, кто верен советскому строю.

Стрелков сник. Он надеялся увидеть демонстрацию того, как легко можно решать подобные вопросы. Ему казалось невероятным, что советский юноша мог быть так сильно отравлен религией.

Но Заливако еще не завершил беседу.

— Для меня очевидно, что ты, Моисеев, противишься советам своих наставников. Это тревожит меня. Тебе нужно преподать урок. Так как ты любишь молиться на коленях, я дам тебе возможность конструктивно поработать в таком же положении на благо социализма. Ты должен вымыть казарму и все коридоры на коленях с ведром и щеткой. Ты будешь работать всю ночь. Может быть, это занятие на глазах у твоих товарищей поможет тебе быть более понятливым. У тебя будет возможность подумать, хочешь ли ты по-прежнему придерживаться своих антисоветских взглядов. Свободен.

Стрелков вытянулся по стойке «смирно», отдавая честь капитану Заливако. Дело было доведено до завершения, которое его вполне удовлетворяло. Когда Моисеев отдал честь и вышел из комнаты, на короткое мгновение их обоих охватило приятное чувство. Такое унизительное занятие, по их мнению, должно было научить Моисеева, для чего предназначены колени.

Не успело бледное декабрьское солнце пройти и полпути к зениту в замерзшем небе, как новость о верующем стала известна всем. Переходя от одного к другому, она у одних вызывала улыбку, другие качали головой в недоумении, третьи относились безразлично. Сразу же за первой новостью пришла вторая, сообщающая о том, что замполит приказал Моисееву тщательно вымыть огромную казарму с помощью маленькой щетки и ведра.

Невероятно, но работая, он был в хорошем расположении духа, пел и улыбался. Солдаты видели, как он работал с явным удовольствием, слышали, как спокойно напевал церковные гимны. Он оставался для них загадкой.

БОГ ДАЛ ПУТЬ, А ЧЕРТ КИНУЛ КРЮК

Керчь, живописный украинский морской порт, расположенный на оживленном перешейке, выступающем в Черное море, был привлекательным уголком для каждого молодого солдата, который мало где бывал. Иван напрягал зрение, когда его подкидывало в глубине армейского грузовика. Вдали он видел дымящиеся трубы сталелитейных заводов. Близость запаха сверкающего моря и крики чаек разжигали его желание увидеть что-то новое. Как сказали солдатам на предварительном инструктаже, город был очень старым. Он был основан в шестом веке греками и назван ими Пантикапей. Солдаты должны были охранять самый высокий холм в городе, который назывался Митридат. На нем стоял разрушенный когда-то греческий акрополь.

Акрополь, как проинформировал молодых людей офицер, был местом заседания греческого «совета». Он рассказал им о том, что в Керчи славные советские традиции почитания человеческого

достоинства и свободы, ставшие действительными только после революции, проводились в жизнь под сенью самого греческого акрополя.

Обо всем этом вспомнит позже Иван, но именно на новом месте, в Керчи, для него начались серьезные испытания.

Первые несколько дней он чувствовал себя легко и весело. Он жил обычной армейской жизнью. Часто во время физподготовки, на учебных лекциях, на занятиях по военной подготовке он молился: «Господи, помоги мне преуспеть в этом. Позволь мне стать хорошим солдатом во славу Твою».

Иван надеялся, что после того, как он покинул Одессу, прекратятся вызовы его для бесед. Он, как и капитан Заливако, были рады расставанию. Но Заливако не преминул отправить тревожный сигнал в Керчь, сообщив, что рядовой Моисеев — верующий, который открыто признал, что он баптист и будет посещать собрания верующих при каждой возможности. Было также отмечено, что Моисеев упорно сопротивлялся настойчивой идеологической обработке и отказывался помалкивать о своих убеждениях.

Не прошло и двух недель, как в кабинет керченского замполита стали поступать донесения о дискуссиях в казарме. Хотя в соответствии с законом в Советском Союзе людям официально была предоставлена свобода исполнения религиозных обрядов, но они были лишены права распространять религиозные взгляды, что рассматривалось, как посягательство на свободу других граждан. Почему Моисеев не может прекратить разговоры о Боге? Иван пытался объяснить, что солдаты в его воинской части часто спрашивают о Христе. Они хотят знать о спасении. Где же такой закон, который запрещал бы ему отвечать на их вопросы? Как мог он отказать им? Ведь все верующие должны свидетельствовать о своей вере другим. А если бы не воля Господа делить Его любовь со всеми, как мог бы Иван скрыть свою радость, которую он испытывал на каждом шагу? Лист, падающий откуда-то с холодного неба, был прикосновением Бога, неожиданно пришедшая на память забытая цитата из Библии тоже была Божьим голосом. Порывы ветра говорили о могуществе Бога, Луна — о его красоте, его собственная физическая сила — о силе Бога, которую Тот влил в него.

Замполит роты, капитан Ярмак, был человеком молодым и энергичным. Он жаждал возможности подняться по партийной линии. «Даже к лучшему, — размышлял он, — что с Моисеевым были трудности. Успех в его воспитании будет выглядеть еще значительнее. «Ярмак очень серьезно относился к своим обязанностям. Каждый из тысячи ста солдат в Керчи должен быть беззаветно предан Коммунистической партии и следовать принципам научного атеизма. Только тогда можно быть уверенным в полном и безукоснительном послушании, которое требовалось от каждого советского солдата.

Он решительно поднял глаза от бумаг на столе, когда Моисеева доставили к нему. Перед тем, как заговорить, он несколько секунд пристально смотрел на Моисеева, меняя выражение лица, чтобы оно соответствовало резкости его голоса.

— Ты болел когда-нибудь, Моисеев?

Видя на лице прибывшего удивление, капитан почувствовал удовлетворение.

— Нет, товарищ капитан. Я даже никогда не лежал в больнице.

Ярмак театрально скрестил руки на груди. Ему понравилось, как блеснули пуговицы на кителе. Помня о том, что следствием благоприятного развития событий часто является решительное наступление, он продолжал:

— Это хорошо, что ты здоров. Тебе потребуется крепкое здоровье на несколько последующих дней... или изменение убеждений, что представляется весьма сложным для тебя.

Для достижения максимального эффекта он сделал паузу.

— Твое поведение в Одессе было бунтарским. Попытка убедить тебя отказаться от твоих антисоветских взглядов и повысить уровень военно-политических знаний не увенчалась успехом. До того времени, пока ты не согласишься подчиниться руководству и не будешь выполнять данные тебе распоряжения, ты будешь содержаться под стражей и без еды. Можешь идти.

Помещение, в которое доставили Ивана, не было камерой гауптвахты. Скорее это была самодеятельная арестантская, используемая для проведения назидательных бесед. Койка, заправленная серым армейским одеялом установленного образца, стол, три стула и несколько армейских учебников на полке составляли обстановку комнаты. В углу рядом с краном

размещался туалет. Большое окно было зарешечено, а двойная дверь запиралась на замок дважды. В помещении было очень холодно и только бледный послеполуденный свет едва проникал в него.

Иван благодарно опустился на койку, его голова шла кругом от лиц раздраженных офицеров из Одессы и Керчи, которые исчезали и растворялись подобно сценам из военных фильмов. Какое счастье заснуть, а проснувшись, молиться!

Много раз до этого Господь призывал Ивана к соблюдению поста и молитвам. Иван улыбнулся. Капитан Ярмак не мог сделать ему лучший подарок. Полный благодарности, Иван обратил все свое внимание к Господу для общения с ним во время молитвы и поста. Сколько ему поститься, было в руках Господних, а не в руках Ярмака.

Во вторую ночь его разбудили звуки отдаленных решительных тяжелых ударов. В то время, как он лежал, пытаясь различить звуки ударов, в замочной скважине повернулся ключ. Желтый луч света проник в помещение. В проеме двери стоял неизвестный Ивану офицер. Не включая свет, он бросил в темноту помещения:

— Рядовой Моисеев! Следуй за мной!

В то время, как Иван пытался полностью стряхнуть с себя сон, он увидел группу офицеров, ожидающих его.

Он посмотрел на электронные часы, висевшие на стене. 2-15 ночи. Офицеры непринужденно сидели на стульях у стола, покуривая и прихлебывая чай из дымящихся чашек. Затем началась беседа.

Ивану уже в который раз задавали вопрос не болен ли он, не изменил ли он свои взгляды, которые являются пережитками царизма и капитализма. Его убеждали в том, что такое поведение недопустимо в Советской Армии.

Предположим, что Бог существует. Зачем он требует для себя столь многого? Зачем намеренно отказываться от еды? Неужели ему, Моисееву, не понятно, что отказ от марксистско-ленинского учения означает отказ от советского образа жизни? Бога создал первобытный человек, чтобы дать объяснение голоду, болезням и другим явлениям, которые он не мог понять. Идея Бога больше не нужна. Она тормозит развитие свободной социалистической

личности. А люди, распространяющие такие идеи — опасны для государства.

Каждый раз во время поста Ивана вызывали для беседы. Иногда ночью с ним разговаривали несколько офицеров, иногда один. Однажды его вызвал офицер, который пытался вести разговор отеческим тоном, но вскоре не выдержав, перешел на оскорбительный крик.

Через пять дней к нему пожаловал сам капитан Ярмак. Он спокойно сел на один из деревянных стульев и, пристально глядя на Ивана, спросил:

— Итак, Моисеев, ты не одумался? Прошло пять дней с тех пор, как ты отказался от пищи.

Иван ощущал усталость, но пытался сосредоточиться на вопросе Ярмака и своем собственном ответе.

— Однажды ночью я молился, — начал он. — Мне было довольно холодно и хотелось спать, так как в ту ночь меня дважды будили. Но я не спал и молился Богу за свою семью и друзей, а также за вас, капитан Ярмак.

Ярмак раздраженно поднялся и уставился на снег, падающий за решетками окна.

— Не то, чтобы я сильно страдал от голода, я был просто очень уставшим и, конечно, мне было холодно. Когда я молился, то чувствовал, как Бог чудодейственно прикоснулся ко мне. Мне стало тепло и сытно, как будто бы я съел сытный и обильный обед. Некоторое время спустя я заснул. Когда я проснулся, было утро и комната была озарена лучами яркого солнца. Снаружи на подоконнике сидела и пела птичка. В Библии есть такие слова: «Воззови ко Мне в день скорби твоей; и Я спасу тебя, и ты будешь славить Меня». Именно благодаря спасению Бога я не чувствую голод и недомогание. Как можно после этого «одуматься?» Посмотрите на меня и убедитесь сами в том, что сделал Господь.

Ярмак, не отрываясь, смотрел на кружащиеся снежинки и чувствовал, как закипает от гнева. Его политическая карьера зависела от успеха работы с такими людьми, как Моисеев. Полковник Мальсин уже прислал ему записку: «Заставьте Моисеева есть. Я не хочу быть обвинен в его смерти, если он умрет от голода из-за вас». Скрепя зубами, Ярмак быстро вышел из комнаты.

Иван познакомился с Сергеем во время утреннего марш-броска. С Черного моря накатывал густой туман, смазывая очертания голых деревьев, служивших ориентиром. Трудность преодоления расстояния возрастала по мере того, как они бежали, пересекая замерзшие поля, спускаясь в овраги, перепрыгивая через наполовину скрытые туманом канавы. Гулкий топот обутых ног был подобен ударам больного сердца, бьющегося под коркой замерзшего снега.

Иван отставал, стараясь бежать осторожно, не обращая внимание на ужасную жажду, которая жгла ему горло. Через какое-то мгновение с ним поравнялся солдат справа и вдруг крикнул, судорожно хватая ртом воздух:

— Иисус воскрес!

«Что он сказал?» — промелькнуло в голове Ивана. Он пытался подобрать рифму к сказанной фразе. Может быть: «Будет снег?»

Легкий ветер раздувал струящийся туман. Иван обернулся, чтобы увидеть лицо солдата. Оно было бледным от усталости, но улыбалось. И снова он крикнул:

— Я сказал, что Он воскрес, брат. Он воскрес!

В тот же миг замерзшая земля как будто бы подтолкнула его сзади, и Иван вдруг побежал вниз в порыве радости. Счастливым возгласом он ответил на традиционное приветствие на Пасху:

— Воистину воскрес! Аллилуйя!

Обнимутся они позже.

Местом, которое они нашли для встречи, был один из больших гаражей для армейских машин, примыкавший к въездным воротам. Это было старое каменное здание, ранее служившее конюшней. За толстыми стенами было не так холодно, а широкие дорожки для парковки автомобилей были идеальны для прогулок и молитвы. Иногда какой-то солдат мог заглянуть сюда, чтобы не на ветру выкурить сигарету, но Ивана и Сергея никто не беспокоил в те несколько минут, которые они могли выкроить, чтобы побыть вместе.

Такие встречи были нечастыми в неослабевающем темпе армейской жизни. Но знать, что рядом существует Сергей, было хорошей поддержкой. Встреча с братом подсознательно вселяла ему чувство, что в конце концов все будет хорошо. Поэтому для него был очень неприятен неожиданный вызов к майору Гиден**ко.**

СВЯТОЙ НЕ СПИТ В МЯГКОЙ ПОСТЕЛИ

Майор Гиденко был огромным человеком с львиным лицом и военной осанкой, которая подчеркивала его рост. В молодости он добился отличных достижений в спорте и благодаря завоеванным призам стал любимцем учителей и одноклассников. Окончив военное училище, он посвятил свою жизнь армии. Как заместитель командира полка по политической части, он намеревался разрешить проблему с Моисеевым до того, как вынесет свой приговор начальник политотдела дивизии.

Гиденко вздохнул. Он в армии уже 32 года и повидал на своем веку разных людей. Они приходили и уходили, но он никогда не понимал верующих. Для него они были какими-то нерешительными существами, остающимися где-то на задворках современной жизни. «Почему они не откажутся от своих странных привычек и не заживут полнокровной жизнью, отдавая все свои силы и время своему народу», — размышлял он. То, что люди могли верить в Бога, было непостижимым для него. «Возможно, старикам трудно менять свои взгляды, — размышлял он, — но как мог молодой человек так серьезно воспринимать этот бред? Моисеев получил необходимое образование в школе. Его учили тому, что религия порочна, что христианство оказывает разрушительное влияние на формирование человека». Гиденко снова вздохнул.

Много раз он имел дело с верующими. Опыт научил его, что эффективными в подобных вопросах были зачастую не убеждения или наставления, хотя он не отбрасывал и этого, а дисциплинарное воздействие.

До кабинета майора Гиденко было далеко, и Иван благодарил Господа за то, что, идя по перекопанной лопатами дороге, он имел время помолиться. Ему пришла на ум строка из Писания, которую часто повторял дома его маленький братишка Илюша, и он тихо напевал ее, идя в такт музыке: «Счастье в Господе — это твоя сила. Счастье в Господе — это твоя сила. Счастье в Господе — это твоя сила». Мелодия была легкая и хорошо сочеталась с яркими лучами солнца на снегу.

День был ясный. Что-то вспыхивало и сверкало в небе над головой. Счастье наполняло его. Деревья в маленьком парке на центральной площади казались залитыми божественным светом. Иван отдавал честь от имени Бога каждому дереву, мимо которого проходил. Свет был такой ослепительный, как будто лучи солнца отражались в зеркале. Он поднял вверх глаза и в тот же момент услышал чей-то голос:

— Ваня! Ваня!

Над ним был ангел в таком ярком свете и такой близкий, что к чувству радости присоединилось чувство страха, но и то и другое замерло в его сердце.

Голос его был ясный и чистый:

— Не бойся.

Через прозрачное очертание ангела Ивану видны были большие деревья на противоположной стороне парка. Казалось, что ангел движется. Глядя на него широко раскрытыми глазами, Иван медленно двинулся. Сияние, идущее от ангела, освещало парк намного ярче, чем солнце. И вот он снова заговорил:

— Не бойся. Иди. Я с тобой.

Иван не находил слов для ответа. Радость бушевала в нем, как огонь. А может, это было тепло, исходящее от сияния ангела. Позже он удивлялся, как он добрался до двери помещения, где находился майор Гиденко. Но по мере того, как свет угасал, реальность становилась все ощутимей. Он направился к кабинету майора и тихо постучал в дверь. Гиденко доброжелательно улыбнулся Ивану Если бы он не знал этого паренька, он дал бы ему лет 16.

— Садись, сынок.

Открытым жестом он указал на кожаный **стул** с противоположной стороны стола. Он был очень добр.

— Ты из далекой Молдавии, Моисеев?

— Так точно, товарищ майор.

— Через год у тебя будет отпуск?

— Возможно, товарищ майор.

— Скучаешь по своим родным? За матерью, отцом?

— Так точно, товарищ майор.

— Я помню свои первые дни в армии. Бывало, писал домой каждый день. Сейчас это кажется забавным. А ты часто пишешь домой?

— Не каждый день, товарищ майор. У меня не хватает времени.

— Не хватает? Почему?

— Я провожу много времени в беседах с замполитом роты, товарищ майор.

— А... Эти вопросы... Ты что, не можешь выучить правильные ответы на них? Ты не производишь впечатление плохого ученика.

— Иногда есть разница между правильными и правдивыми ответами. Иногда Господь не позволяет мне давать «правильные ответы».

— Неужели? А кто этот твой Господь? — Как только вопрос был задан, Гиденко тот-час пожалел об этом. Моисеев наклонился вперед. На его лице засияла надежда.

— Товарищ майор, Он Творец вселенной. Он — Дух, который очень любит человека и ...

— Да, да. Я знаю, чему учит христианство. — Гиденко заерзал на стуле. — Но ты же не приемлешь основы научного атеизма, на которых основывается все наше советское государство и военная мощь нашей армии!

— Я не могу принять лишь то, что, я уверен, является неправдой. Все остальное я с радостью приму.

— Но ведь невозможно доказать существование Бога. Даже религиозные люди соглашаются с этим. Священники и пасторы тоже.

Иван слышал, как постепенно умирают теплые нотки в голосе майора. Прежде чем ответить, он в душе стал молиться.

Гиденко настаивал на своем:

— Видишь, даже твои учителя говорят не то, что утверждаешь ты.

— Товарищ майор, они убеждены в том, что Он существует. Но никто не знает Его. Он сейчас со мной в этой комнате. Прежде чем я вошел сюда, Он послал ко мне ангела, чтобы ободрить меня.

Гиденко пристально посмотрел на Ивана. Не прикидывается ли мальчишка простаком? Не было ли его поведение уловкой, чтобы попытаться таким образом увиливать от добросовестной службы? В нем была какая-то простота. Преднамеренная простота!

Он тяжело поднялся со стула.

— Моисеев, раньше, до тебя, у нас в армии были такие же рядовые, как ты. Один или два всегда найдутся.

Он отвел глаза от лица Ивана, на котором вдруг появилось выражение удовлетворения. Гиденко все больше убеждался в том, что Моисеев не представляет опасности, что он просто тоскующий по дому мальчишка, безумно желающий получить увольнение. Он уже видел игры, подобные той, которую ведет Моисеев. Но разве парень не прожил пять дней без еды? Гиденко видел солдат, которые делали вид, что не понимают, когда перед ними ставили еду. Визит к психиатру сразу же излечивал их мнимую душевную болезнь!

То, что Моисеев был в здравом уме, сомнений не вызывало. Он был слишком прост и не умел даже врать.

Когда Гиденко снова заговорил, в его голосе почувствовалась усталость:

— Мне очень жаль, Моисеев, что ты упорствуешь. Тебе это ничего, кроме беспокойства, не даст. Однако, я чувствую, что немного дисциплины и ты придешь в нормальное состояние и избавишься от видений ангелов и разговаривающих богов. Сегодня вечером после того, как погаснут фонари, ты выйдешь на улицу и будешь стоять на морозе до тех пор, пока не пожелаешь прийти ко мне и извиниться за тот вздор, который ты распространял о себе и своих так называемых общениях с Богом. Так как сегодня ожидается морозец, я надеюсь, что ты быстро станешь благоразумным. А завтра мы вместе составим план твоего политического перевоспитания. Можешь идти.

Гиденко был раздражен и не находил объяснения тому, что Моисеев, казалось, мужественно принял его приказ. Лицо Моисеева оставалось спокойным, а плечи широко расправлены, когда он четким, размеренным шагом направился к двери.

— Рядовой Моисеев!

Иван обернулся. Гиденко увидел, что он слегка бледен. Значит, приказание он понял.

— Ты будешь выполнять мой приказ и без шинели. Это все.

Когда взошла луна, поднялся сильный ветер. Он сдувал пушистый снег с крыш зданий и кружил его в вихре по хорошо подметенным дорожкам. Даже в казармах было холодно, особенно, когда солдаты ложились спать. Каждый норовил

побыстрее юркнуть под одеяло и свернуться калачиком, чтобы как можно быстрее согреться.

Рядовой Игорь Марков, опершись о стенку, курил сигарету. Так как он был родом из Грузии, у него были типичные черные блестящие глаза, такие же, как смоль, черные волосы и вспыльчивый характер. Моисеев оставался для него загадкой. Увидев, что Моисеев направился к выходу, он спросил:

— Ты куда? Что случилось?

Доносившиеся ранее тихие разговоры на койках стихли.

Ивану не хотелось рассказывать в очередной раз, что с ним произошло. Известие об этом наказании каким-то образом распространилась в столовой за ужином довольно быстро.

А ответ его, казалось, звучал нелепо:

— Когда выключат освещение, я должен доложить дежурному офицеру и выйти на улицу. Мне приказано стоять на морозе.

Он не винил солдат за то, что они восприняли его слова с улыбкой. Если замполит решил преподать урок для всех, он в этом преуспел. Так вот, когда солдаты слушали рассказ Ивана, в разговор вмешался Игорь:

— Сколько времени ты собираешься стоять на холоде? Не стоит упираться. Ты замерзнешь. Почему ты не можешь верить и при этом молчать?

Игорь повысил голос, перекрикивая других, и тем самым заставив окружающих утихнуть.

— Иван! Почему? Во что же ты такое веришь, что заставляет тебя пойти на это?

— Я верю в то, что Господь хочет, чтобы люди знали, что Он существует и любит их и что Он пришел на землю в образе Иисуса Христа, живого человека. Скоро Рождество. В это время мы, верующие, празднуем появление на свет Младенца Иисуса в Вифлееме. Во всем мире верующие воздают должное тому, что сделал Господь и поют Ему славу. Я верю, что Он пришел, чтобы умереть за грехи каждого человека, который нуждается в прощении. За мои. И за твои, Игорь, тоже.

Рядовой Владимир Демченко, комсомольский активист, койка которого находилась вдали от прохода, громко прервал:

— Слушайте, кому нужны эти разговоры? Лично мне они ни к чему. Я удивлен, что кому-то это интересно. В том числе и Маркову.

Он тихонько хихикнул.

— Разговор о Рождестве не для Игоря. Он слишком любит курево и водку!

Раздавшийся внезапно звук сигнальной трубы прервал разговор. Свет сразу же выключили. Иван торопливо направился к двери. Он шел по проходу, освещенному светом луны, проникающем через окно. Позади него царила тишина. У выхода мерцало дежурное освещение. Дневальный молча проводил его взглядом. Он спустился по лестнице и вышел на улицу.

Сначала холод с внезапной силой ударил ему в лицо так, что заболела голова и заслезились глаза. Он испытывал ужас от леденящего ветра, который обжигал ему уши. Он знал, что в темных окнах казармы сейчас торчат лица и вглядываются в то, что происходит на улице. Луна освещала дорогу возле зданий. Он весь напрягся, пытаясь противостоять сильным порывам холодного ветра, и взглянул на часы. Было три минуты одиннадцатого.

У него будет достаточно времени для молитвы. Запинаясь, он начал молиться, пытаясь отогнать медленно нарастающий в нем страх. Как долго сможет он выстоять здесь? Что если он замерзнет так, что вынужден будет сдаться? Что если он замерзнет до смерти? Позволят ли они ему умереть от холода? Он старался сосредоточиться на молитве, но вдруг его охватила паника. Сколько нужно времени, чтобы замерзнуть до смерти? Будет ли это быстро? Что если к утру он почти околеет, а затем начнет приходить в себя? Он слышал, что когда замерзшие конечности оттаивают, наступает ужасная боль. Что если их придется ампутировать? Лучше не думать об этом. И он начал петь: «Счастье в Господе — это твоя сила. Счастье в Господе — это твоя сила».

Вдруг сияние, которое появилось утром, вновь пришло к нему. Он посмотрел на парк, едва виднеющийся при лунном свете, над которым струился ангельский свет. «Не бойся. Я с тобой», — слышалось ему. Слова ангела! Он говорил их, имея ввиду сегодняшнюю ночь! Ивану показалось, что к нему вернулось даже тепло тех утренних минут. Он начал с жаром молиться.

Была половина первого, когда его внимание привлек скрип шагов по легкому ночному снегу. Закутавшись в шинели, из казармы к нему медленно двигались три офицера.

Голоса их были хриплыми и почти неразличимыми из-за шума ветра.

— Ну, Моисеев, ты пересмотрел свою позицию? Ты достаточно уже постоял здесь?

Даже при свете луны Иван видел, что они смотрели на него с какой-то тревогой. Возможно ли, чтобы ему было тепло?

— Спасибо, товарищ офицер. Мне бы очень хотелось пойти спать. Но я не могу обещать, что буду молчать о Боге.

— Ты что же намерен стоять здесь всю ночь? — Лицо говорившего исказилось от такого предположения.

— Мне бы не хотелось. Но я не вижу другого выхода, а Господь помогает мне.

Иван потирал подушечки пальцев, вытянувшись по стойке «смирно». От волнения его голос дрожал. Руки его были холодными, но не холоднее, чем тогда, когда он одевался в казарме. Он попробовал пошевелить пальцами ног. Они легко двигались, не было никаких неприятных ощущений. В нем росло чувство удивления. Он с волнением взглянул на офицеров. Он видел, что даже в своих шинелях они мерзли. Им не терпелось снова вернуться в помещение.

— Через час он почувствует себя по-другому, — пробормотал старший из них.

После этого они ушли, а Иван едва сдерживал неожиданное желание рассмеяться им вслед.

Вскоре волна облегчения утихла и вместо нее наступило уныние. Он ничем не лучше парней его общины. Терпеть и страдать приходилось и его родителям, и пасторам, о которых ему доводилось слышать. Они подвергались арестам, допросам и тюремным заключениям. А его снова и снова сам Господь своим прикосновением избавлял от страданий. Он не стремился быть каким-то особенным, выделяться среди других. Он считал, что не заслуживает чудес и таинств. Он должен замерзнуть. На глаза навернулись горячие слезы.

К трем часам утра он дремал, стоя на ногах. Его молитвы давно закончились. Он много раз просил за всех верующих, которых знал, спел несколько раз все рождественские гимны,

помолился за каждого офицера, которого знал и о котором слышал. Ваня взывал к Господу от имени всех солдат его части. Но постепенно душа, казалось, стала покидать его. Как бы он ни старался удержать смысл своей молитвы, он ускользал от него.

Вдруг прямо над ухом раздался чей-то голос, напугавший и полностью разбудивший его.

— Моисеев, заходи в казарму!

Иван повернул голову и увидел старшего дежурного офицера.

Луна зашла, ветер стих, и в кромешной темноте он пристально напрягался, чтобы увидеть наклонившееся к нему лицо. Офицер неподвижно стоял возле Ивана и медлил, желтый свет из окна казармы едва освещал золотой листочек на кокарде его шапки. Через минуту он спросил уже более мягко:

— Что ты за человек?

— Что?

— Что ты за человек, почему тебя не берет холод?

Иван ответил в тон ему:

— Товарищ офицер, я такой же человек, как и вы. Но я молился Богу, и мне было тепло от этого.

Офицер повернулся и, прикоснувшись к руке Ивана, подал знак, что он должен следовать за ним. Медленно они зашагали в сторону казармы.

Майор Гиденко был глубоко обеспокоен. Донесение подполковнику Мальсину, касавшееся рядового Ивана Моисеева, бросало вызов здравому смыслу. Двенадцать ночей подряд он стоял в летней форме на улице при минусовой температуре. То, что он не мерз и не умолял о пощаде, было невозможным. Прошлой ночью Гиденко сам лично отправился навестить его. Действительно, лицо солдата было синим от холода и его шатало от усталости. Мелкий снег, поднятый ветром, покрыл его волосы и одежду, и он выглядел ужасно, напоминая статую. Он был внешне спокоен и после четырех часов чувствовал себя не таким замерзшим, как Гиденко через 5 минут. Возможно ли, чтобы юноша мог вытерпеть такой холод и не чувствовать его? Ну, конечно, это было возможно. Моисеев доказывал это на протяжении двух недель. Гиденко сейчас был обеспокоен сильнее, чем когда-либо в своей жизни. В последнее время он плохо спал. Что-то нужно было написать в донесении Мальсину. Было ясно,

что наказание не дает результатов. Все в части говорили о Моисееве. Нужно будет прекратить эти разговоры.

СУД КРИВ, КОГДА СУДЬЯ ЛЖИВ

Хотя обычная армейская койка была жесткой и узкой, Иван с удовольствием вытянулся во весь рост под одеялом, благодаря Бога за эту роскошь. Впервые в этом году он лежал в постели. Не нужно было больше часами стоять на холоде, не было больше длительных назидательных бесед на улице и в кабинетах. Он больше не наблюдал, как садится луна за небольшим сквером на центральной площади. Ваня блаженно уснул, даже не дождавшись, когда выключат свет.

Хотя прежде Иван слышал этот голос только один раз, он показался настолько знакомым юноше, что он мгновенно проснулся. — Ваня, вставай!

В мгновение ока он был на ногах между койками и широко раскрытыми глазами смотрел на ясное сияние ангела. Его мозг напряженно работал. Он знал, что ни один спящий солдат в рядах коек не пошевельнулся. Механически он начал натягивать брюки и нащупывать сапоги, не отрывая глаз от красоты сияния того, кто находился перед ним. Взгляд ангела был настолько полон любви, что он не чувствовал никакого страха. Через минуту они начали подниматься. Без каких-либо усилий потолок раскрылся, а за ним и крыша казармы. И вот Иван с ангелом вместе перенеслись во времени и пространстве в другой мир.

Трава была густой и пышной и, казалось, доходила до самого горизонта незнакомой планеты. Она была свежей и ярко-зеленой. Ошеломленный, Иван следовал за ангелом и спустя некоторое время они вышли к ручью. Вода в нем была прозрачной, как стекло, так что Иван мог видеть дно, а ее блеск просто слепил глаза.

Ангел без усилий прошел через ручей и, обернувшись, вопросительно посмотрел на Ивана, когда тот задержался.

- Чего ты боишься, Ваня? - спросил неторопливый и нежный голос.

Непонятно откуда на память Ивану пришли змеи и тот ужас, который они вызывали.

- Змеи!

Как только он произнес это слово, его взгляд начал метаться по густой траве под ногами, пытаясь пробраться сквозь нее. То, что происходило, было странным, и его охватил непонятный страх.

Хотя ангел был на некотором расстоянии от него, Иван слышал его голос, как будто бы светящееся создание находилось рядом с ним.

- Не бойся. Ты со мной. Здесь не так, как на земле. Здесь нет змей.

Страх оставил его так же внезапно, как и пришел, и Иван легко перешел через ручей. В сиянии этого мира каждая травинка и каждый лепесток казались залитыми светом. Рисунки коры на деревьях были неописуемо прекрасны. Размах ветвей был чрезвычайно грациозным. Они светились, как будто бы свет исходил из каждого дерева. Инстинктивно Иван поднял глаза к небу, оглядываясь вокруг. Солнца нигде не было. Когда он снова посмотрел на ангела, то увидел рядом с ним еще один образ, более величественный и в то же время излучающий своим сиянием еще большую любовь, чем сам ангел. Казалось, что ангел относится к нему с каким—то особым почтением. Иван узнал в нем апостола Иоанна. С помощью ангела апостол беседовал с ним. Иван стоял в оцепенении. Его мозг впитывал каждое святое слово. Три существа одно за другим последовали за апостолом и каким—то таинственным образом Иван узнал в них Давида, Моисея и Даниила. Его напряжение было так велико, а страх и счастье такими всепоглощающими, что, когда последний из них ушел, Иван почувствовал сильное желание спать. Но ангел, оставшийся теперь один в струящемся свете, заговорил снова:

— Мы проделали длинный путь и ты устал. Подойди сюда и присядь.

Дерево, под которым Иван сел, было большим и источало такой аромат, который невероятным образом напомнил ему о виноградниках Молдавии. Если бы ангел снова не заговорил, Иван согласился бы просидеть тут целую вечность, вдыхая аромат дерева и глядя на пейзаж в искрящемся свете.

— Я хотел бы показать тебе божественный город, новый Иерусалим. Но если ты увидишь его сейчас, ты не сможешь

больше оставаться в той материальной оболочке, в которой ты сейчас находишься. А у тебя осталось еще так много дел на земле.

Ивану показалось, что ангел сделал паузу, а затем продолжал говорить:

— Мы вместе полетим на другую планету и я покажу тебе свет этого города, чтобы ты, пока еще живешь во плоти, знал, что новый Иерусалим в действительности существует.

В то же мгновение они прилетели на другую планету, покрытую высокими горами. И здесь то же яркое сияние освещало каждую частичку этого мира. Взгляд Ивана задержался на алмазных ручейках, струящихся вниз по склонам гор в туман, который поднимался над ярко-зелеными долинами. Ангел с Иваном подошли к очень глубокому ущелью и спустились на его дно.

Казалось, ангел светился радостью, его голос стал более торжественным и ликующим, чем прежде, когда Иван слышал его:

— Ваня, посмотри вверх и ты увидишь свет нового Иерусалима.

Взглянув, Ваня испуганно отшатнулся. Сияние было настолько сильным, что, хотя Иван и смотрел на него только секунду, он решил, что, наверняка, ослеп. Ангел тут же заговорил:

— Ничего с тобой не случится. Смотри!

Ни один человек, спасенный в пустыне, не пил с такой жадностью воду, как пил ее Иван в великолепии этого сияния. Сила его была так огромна, что ее можно было ощутить, попробовать на вкус и услышать. Он ощутил это сияние не только своими глазами, но и всем своим существом. Иван был готов заплакать от горя и разочарования, когда ангел сказал:

— Пора возвращаться на землю.

В то мгновение, когда ноги Ивана коснулись пола возле его койки, произошло три события. Исчез ангел, прозвучал сигнал подъема и в помещении резко включили свет. В недоумении глядя на свою аккуратно застеленную кровать и удивляясь тому, что он полностью одет, Иван услышал, как кто-то захихикал на соседней койке. Гриша Черных, его сосед по койке, был тоже молдаванин и проявлял интерес к своему странному земляку. В этот момент Черных ловко соскочил с койки и, просовывая ноги в штанины, прошептал ему заговорщически:

— Ваня, где ты был этой ночью? — С невероятным усилием Иван собрался с мыслями. Казарма ожила. Солдаты с шумом проносились к двери мимо его койки. Он повернулся и пристально посмотрел на Черных.

— Ты хочешь сказать, что не видел, как я раздевался и ложился в постель этой ночью? Мы легли спать в одно и то же время.

Черных быстро застегивал нижнюю рубашку.

— Ты пошел спать в то же время, что и я, это верно. Но спал ты недолго. Я проснулся около трех часов, а твоя койка была пустой. Ваня, тебя не было в комнате.

Потянувшись за своей гимнастеркой, он хитро улыбнулся Ивану.

— Ну и дела! Ты действительно где-то отсутствовал этой ночью?

«Значит, ему это не снилось! Значит он путешествовал с ангелом» — Волнение пронзило Ивана, как ток. Они в спешке направились к двери.

Когда он говорил, голос его дрожал:

— Давай спросим у дневального, выходил ли кто-нибудь минувшей ночью.

Дневальный возмутился:

— Конечно же, никто не выходил. Идите отсюда! Вы что, хотите, чтобы меня арестовали?

Иван и Григорий Черных вышли из казармы. Оба молчали. Наконец Черных прервал затянувшееся молчание и Иван рассказал о происшедшем с ним.

К вечеру о случившемся знала вся часть. Черных с удовлетворением отметил, что никто не поверил в рассказанное Иваном. Несмотря на искренность рассказчика, события показались слушателям невероятными. И все же в них была какая-то тайна, от которой всем было неуютно. Как это возможно прожить пять дней без еды и не заболеть? Как может человек простоять на морозе несколько часов подряд и не замерзнуть? И если Иван не покидал казарму всю ночь, а при этом в помещении его не было, то где же он мог быть?

Черных растянулся на койке. Свободное время было слишком драгоценным, чтобы тратить его на сон. Он потянулся за ручкой и

бумагой. Лучше написать домой письмо. Однако солдат по-прежнему лежал на спине, глядя в потолок.

Может быть, замполит доберется до сути дела. Целый месяц они неустанно допрашивали Ивана, пока Григорий не поинтересовался, может ли человек оставаться в своем уме, ощущая такое давление. Для большинства солдат армейская жизнь действительно была суровым испытанием. Им не давали передышки весь день напролет от подъема в шесть утра до отбоя в 22 часа. А когда наступала ночь, часто раздавался сигнал ночной учебной тревоги. Особенно неприятно звучала сирена в ранние утренние часы, когда она заставляла вскакивать с постелей и бежать в холодную ночь. Черных собирался свести счеты с армией за то, что случилось во время последней тревоги. Стоял такой туман, что он не видел дороги. Напрягаясь, он всматривался в ночь, но все-таки угодил в канализационный колодец. Он зацепился за край колодца и стал кричать, пока его не вытащил какой-то солдат. Несмотря на то, что в сапогах была вода, а штанины застыли, как цемент, он справился с выполнением задачи.

Григорий представить не мог, как выдерживал этот обычный распорядок Иван при постоянных вызовах на беседы. Он видел, как его отзывали из столовой, во время занятий и даже сна. Днем или ночью — не имело значения. Ночами часто его койка пустовала.

«Да, у Ивана неприятности, — размышлял он. — Слишком много неприятностей.» Может быть, Черных и не был согласен с тем, что баптисты — враги государства. Но он был уверен, что они фанатичны и глупы. Безнадежна была, по его мнению, уверенность таких, как Иван, в том, что можно выстоять в такой обстановке. Ведь в армии, если офицер сказал, что капуста — это подсолнух, то это так и есть.

«Возможно, все просто сводилось к вопросу о послушании? — продолжал размышлять он. — Может быть, именно поэтому замполит ведет себя так решительно с Моисеевым? В конце концов, где бы все они были во время учений, если бы не подчинялись приказам?» Черных опять потянулся, лежа на койке. Бумага и ручка все еще лежали без дела на грубом одеяле. Он слышал от одного из солдат своего подразделения, что у полковника Мальсина находится с визитом

представитель политуправления их военного округа. Поговаривали, что Моисеева собираются перевести в Свердловск. Решив выбросить все это из головы, Черных схватил ручку. Он не имел ко всему этому никакого отношения. Конечно, это никак не было связано с тем, что он рассказал солдатам историю о полете Ивана с ангелом на другую планету. Иван открыто говорил каждому о Боге и его ангелах. Черных яростно писал, пытаясь забыть об этом. Прошлым вечером, возвращаясь в казарму с учения, он боялся взглянуть в ночное небо.

Пейзаж за окном давно стал зимним. Поезд раскачивало из стороны в сторону по обледенелым путям. Поля, леса, маленькие озера, овраги мелькали в проеме полуоткрытой раздвижной двери специального вагона, предназначенного для перевозки военных заключенных. Деревянные скамейки были укреплены в виде полок по бокам и по центру вагона, где сидели или спали в душной полутьме заключенные; кто-то ссорился, кто-то болтал, но большинство было погружено в свои горькие мысли.

Иван находился рядом с полуоткрытой дверью, вдыхал холодный воздух, не обращая внимания на вспыхивающие время от времени споры по поводу того, закрыть дверь или оставить ее открытой. Чувство глубокой умиротворенности пронизывало весь пейзаж, медленно проплывающий перед его взором. Охранник, рядовой одной из подмосковных частей, прислонился к дрожащей стенке вагона и дремал. Его винтовка свободно висела через плечо.

Иван задумался. Он размышлял о своей решимости быть хорошим солдатом. На политзанятиях он считал своим долгом объяснить, что Библия учит верующих любить свою страну, уважать ее власти. А в результате его подняли среди ночи и повезли окольными путями к вагону, в котором везли заключенных. Поезд следовал в Свердловск.

Двигаясь на восток, они миновали равнины центральной России, и Иван смотрел на темные голубые силуэты снежных холмов в сумерках. Всего два дня тому назад он был доставлен в Симферополь к майору Долотову. Миндалевидные глаза Долотова угрюмо смотрели на Ивана. Для офицера такого ранга он казался необычно пассивным и неторопливым. Из-за извечной замкнутости и таинственной манеры вести себя

его грузное тело было похоже на сплошную стену. Говорил он без эмоций и тихо.

Казалось, Долотов был слегка удивлен тем, что Иван пробыл в армии уже около двух месяцев и все еще не приспособился к армейской жизни. Он просмотрел его личное дело. Из него он узнал, что были предприняты все возможные усилия перевоспитать Моисеева, помочь ему изменить свои взгляды, перевоспитать политически, но он отказался от предоставленной ему возможности. Его дело содержало характеристики из Одессы, Керчи, а также записи откликов офицеров и солдат той части, где служил Моисеев. Проблема заключалась в том, что Моисеев распространял свои взгляды среди других солдат, в результате чего они заражались его нежелательной идеологией. Конечно, это было прямым нарушением устава. Долотову было любопытно, почему Моисеев не повинуется.

Его голос был настолько тихим, что Иван был не уверен, закончил ли он говорить и поэтому медлил некоторое время с ответом. В гнетущей атмосфере кабинета было трудно думать. Иван вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Преодолевая усилие, он быстро помолился и глубоко вздохнул. Его мысли вдруг стали ясными, и он обратился к Долотову:

— Товарищ майор! Библия учит верующих повиноваться вышестоящим властям. И я этого очень хочу. Но Библия учит также нас, что наш высший учитель — Господь Бог. Его власть требует от нас абсолютного повиновения и преданности делу. Я умоляю вас понять, что у меня есть два понимания преданности — преданность государству и преданность Богу. Если мне прикажут сделать что-то, что заставит меня ослушаться Бога, я вынужден буду поставить на первое место свою преданность Ему.

По лицу комиссара пробежала легкая тень. Он, казалось, размышлял над чем-то. Затем он заговорил:

— Ты связан и скован этими баптистскими идеями. Может быть, тебе удастся осознать серьезность твоего положения, если ты почувствуешь вкус настоящей тюрьмы. Возможно, эта мера будет наиболее эффективной, чем все, что было до этого. Тогда увидим не заговоришь ли ты по-другому.

Иван не мог понять, почему Долотов выбрал для него такое отдаленное место. Были тюрьмы и поближе, но, очевидно,

суровое испытание длительной поездки глубокой зимой было частью стратегии.

Иван глубоко вздохнул. Воздух, струившийся из проема полуоткрытой двери поезда, как-то изменился. Он стал тяжелым и едким. В вагоне все встревожились. Вдруг поезд резко качнуло. Вдали от железнодорожного полотна, растворясь в поздних сумерках, виднелись многочисленные, как деревья в лесу, дымовые трубы, выбрасывающие черные клубы. То тут, то там вспыхивали красные языки пламени, взмывающие высоко в небо.

Гремя и сотрясаясь, поезд с лязгом прошел железнодорожные стрелки и начал тормозить. Заключенные столпились у двери и окон, пытаясь разглядеть город и с нетерпением ожидая конца утомительной дороги. Иван смотрел на мягкий свет мерцающей сквозь ели звезды. Она вызвала в памяти отрывок из Библии, который так любил его отец: «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, во веки, навсегда».

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Его камера была маленькой и холодной. В ней не было света. Когда Ванины глаза привыкли к темноте, он смог различить койку, стоящую вдоль стены, а чтобы дотронуться до противоположной стенки, достаточно было протянуть руку. В самом верху двери камеры было маленькое окошко, сквозь которое охранники светили по ночам фонариком. От неподвижности у него болели кости. С трудом он снял ботинки и оперся ногами о влажную цементную стену. После постоянного качания в поезде, лязга колес и гула голосов заключенных, камера походила на могилу в своей мертвецкой тишине. Иван лежал в холодной камере, не чувствуя облегчения даже после сна. Его мысли перенеслись к той Божественной планете, где он пребывал вместе с ангелом. «Тебе еще многое нужно сделать» — сказал тогда ангел. Холодный страх, как тонкое ледяное покрывало, казалось, висел прямо над его койкой в темноте. Какие испытания ему еще предстояли впереди? — «Моя душа молчаливо ждет только

Господа; только от Него придет мое спасение, — размышлял он. — Только Он моя опора и мое спасение, мой оплот; меня тяжело будет сломить».

Комната для допросов в тюрьме находилась в деревянном здании в нескольких шагах от камеры Ивана. Она была просторной с прогибающимся деревянным полом и покрашенной батареей на всю длину комнаты. Эта комната почему-то вдруг напомнила Ивану его детский сад в молдавском колхозе. Несколько комнатных цветов украшали деревянные ступени, ведущие к очень маленькому возвышению, на котором возвышался портрет Ленина. Иван предположил, что эту комнату использовали для различных культурных мероприятий.

Начальник тюрьмы сидел за покрытым ярко-красной скатертью столом у стены. Четыре человека в штатском сидели за соседним столом. Беседу начал начальник тюрьмы. В его руках были документы Ивана.

Ваню похвалили за то, что он принял присягу, хотя баптисты часто отказывались от нее. Затем начальник перешел к обвинениям в его адрес за агитацию и пропаганду, за неприятие помощи в переосмыслении взглядов. По мнению начальника тюрьмы, были все основания для передачи его дела в суд. Знает ли он, что его могли предать суду и осудить на 7 лет? Из слов начальника следовало, что к Моисееву могла быть применена ст. 142 уголовного кодекса, так как он открыто признал, что является членом незарегистрированной баптистской группы. Существовали и статьи 181 и 182, касающиеся дачи ложных показаний. Установлено, что многое в его разговорах было сплошной ложью и он несколько раз нарушал присягу. А за распространение литературы, содержащей ложные утверждения, которые клеветали на наше государство и Советскую Армию, его могли привлечь к ответственности по статье 58, § 10. А с его писем родственникам, по словам начальника, были сняты копии, которые стали неопровержимым доказательством злого умысла. В свете последней статьи, касающейся антисоветской агитации, его положение было действительно очень серьезным. Моисеев уже находился за тюремными стенами, однако здесь, в Свердловске, у него все еще была возможность исправиться. Если он откажется от предоставленной ему возможности, к нему будут применены другие меры убеждения.

Иван отвечал медленно, тщательно взвешивая каждое слово. Он часто испытывал трудности, когда не мог разговаривать на родном молдавском языке.

— Я ничего плохого не сделал против советского государства. Я хотел спокойно выполнять свой долг в армии и в то же время поклоняться и воздавать хвалу Богу. Что касается беспорядков, то не я, а сами военные создают их. Что касается моего пребывания здесь в течении 7 лет, я отбуду их, если так будет угодно Богу. Если же нет, то завтра меня отошлют обратно в мою часть. В этом я уверен.

Новая камера, в которую был направлен Иван, напоминала крошечную клетку. Большую часть пространства занимала маленькая скамейка, похожая на те, на которых маленькие дети сидят в школе. Так же, как и в первой камере, здесь было холодно и не было света. На протяжении двух дней Иван мучился, скрючившись на скамейке. Время окутало его, как темная завеса, которая приподнималась только тогда, когда открывалась дверь камеры — вносили кусок хлеба и пустую похлебку.

Один или два раза, просыпаясь в паническом страхе, Иван так сильно ощущал присутствие Господа, которое успокаивало его, что он рыдал от счастья, а леденящая боль в онемевших членах притуплялась.

Жгучая боль пронзила мышцы, когда его, наконец, вытащили из камеры и он стоял, выпрямившись, в слепящем свете коридора. Охранник ткнул его стволом автомата, выталкивая на улицу к зданию, где велись допросы. Тот же начальник тюрьмы стоял, опершись, у стола.

— Итак, — начал он, — ты провел здесь два дня. У тебя было время обо всем подумать. Может быть, теперь ты желаешь снять повязку со своих глаз, которую сам же нацепил, и зажить настоящей жизнью?

Иван чувствовал, как болят веки в бледном солнечном свете, и пытался подавить в себе неловкости: если он заговорит, голос будет слишком слабым и его не услышат. Перед глазами стояло раскрасневшееся лицо начальника тюрьмы.

Ваня ответил не сразу.

— В Библии есть слова о том, что жизнь верующих сокрыта во Христе. Вот реальный мир, и я нахожусь в нем.

Услышав ответ Ивана, офицер долго смотрел на него, не говоря ни слова. Схватив нагайку, лежащую рядом на столе, он с силой ударил по столу. Он совершал удары снова и снова, не сводя глаз с лица Ивана.

Иван вспомнил вдруг, как будучи ребенком, он наблюдал, как пьяный избивал быка. Привязанному в загоне быку некуда было бежать. Кровь текла по его ногам и капала в грязь из раны, нанесенной кнутом. Какая-то перемена, происшедшая в сознании Ивана, вдруг привела его в ужас.

— Нет, вот реальный мир! — кричал офицер, надвигаясь на Ивана, подняв нагайку дрожащей от ярости рукой. — Ты воображаешь, что Бог спрячет тебя от того, что тебя ждет впереди? Посмотрим, как ты запоешь, когда твой Бог не спасет тебя от реальности, которую я для тебя выберу.

В ту же минуту Иван собрался и настроился на удар, но офицер вдруг резко повернулся и ушел, его шаги, как выстрелы, звучали в длинной комнате. Сразу же появились два охранника, толкая Ивана перед собой в камеру.

В страхе Иван остановился перед маленькой дверью, открытой охранником Затем тот ударил Ивана в спину прикладом и юноша влетел в свою камеру. Дверь громко захлопнули и закрыли на ключ. Вода наполнила его ботинки. Она стекала ручьями по стенам. Камера с низким потолком была тускло освещена. Вода часто капала из трубы, текла тонкими струйками, била фонтанчиками в местах соединения труб, а затем медленно уходила в покрытый льдом коллектор в углу камеры. Иван сразу понял, что от капающей ледяной воды ему нигде не спрятаться. Она заливала его шинель и текла за воротник.

Ивана охватило желание заколотить в белую ото льда дверь, а затем его стало сильно трясти.

— Будь милостив ко мне, о Господи, будь милостив ко мне, ибо в Тебе убежище моей души; я найду убежище под сенью Твоих крыльев до тех пор, нока не окончится эта пытка. Я буду взывать к Всевышнему, к Богу, Который все для меня делает. Он спустится с небес и спасет меня.

Его взгляд скользнул на дверь. И тут он увидел, что через отверстие на него смотрит немигающий глаз охранника. Ивану стало не по себе.

— Ты знаешь, сколько я скитался, — продолжал Иван, — собери мои слезы в свой сосуд; неужели их нет в Твоей книге? Тогда мои враги отступят от меня в тот день, когда я позову Тебя, и тогда я буду знать, что Бог помогает мне.

Забившись в угол камеры, стоя спиной к стекающей воде, Иван обнаружил, что вода на него почти не попадает. Снова и снова он повторял слова псалма, которые, казалось, исходили откуда-то поблизости. В то же время какая-то часть его мозга, не сосредоточенная на строках из Библии, которые он полувыкрикивал, мучительно искала путь к спасению.

Время шло. Неистовые сотрясения его тела медленно уступили место ужасной боли, которая охватывала каждый сустав и переходила в спину и в голову. От внезапной боли в ногах, обутых в намокшие ботинки, он опустился на пол камеры. Почти стоя на коленях в ледяной воде, он начал представлять себе, что находится в православном соборе, где мерцает множество свечей на роскошных рамах икон. Вокруг молились люди, а собор был наполнен красотой хвалы и музыки. Служба была очень длинной...

На этот раз комната для допросов находилась в том же здании тюрьмы, где была его камера. Это была большая комната из камня с дымящимся камином. Иван лежал на койке, а рядом с ним стоял раскаленный электрообогреватель. Как и когда его перенесли на койку он не знал. Он почувствовал запах паленой одежды и начал подниматься. С трудом ему удалось сесть. Он увидел высокое зарешеченное окно, сухие стены, нескольких охранников, сидящих вокруг камина. Но потом все это исчезло и он вновь упал на кровать. Охранник, стоявший рядом с ним, грубым рывком усадил Ивана.

Кажется то, что говорил офицер, было не важным, но Иван пытался вслушиваться в его слова. Он был очень болен.

— Ты будешь получать свою порцию хлеба и похлебки. Мы намерены вернуть тебя в твою часть в Керчи. Ты показал нам свое упрямство, Моисеев, но я считаю, мы тоже продемонстрировали тебе, что тебе не суждено поступать по-своему. Как только ты проявишь готовность к перемене, мы сочтем возможным освободить тебя отсюда и проследим за тем, чтобы ты смог возобновить свою службу для выполнения своего долга перед Родиной.

На стол рядом с койкой Ивана поставили кружку чая, накрытую алюминиевой тарелкой с хлебом. Молитвенно Иван поднес чашку к губам, вдыхая пар, исходящий из чашки. Никогда символическое вино Господней вечери не казалось ему таким святым, как эта чашка чаю. Ему тут же вспомнились слова Иисуса Христа: «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови». В порыве любви Иван ощутил в руках кружку и благоговейно отломил кусочек хлеба. «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое».

— У нас здесь есть некоторые бумаги, Моисеев, которые, возможно, ты захочешь подписать, — продолжал офицер. — Они подтверждают твою готовность к полному сотрудничеству с подполковником Мальсиным, твоим бывшим командиром, а также твое согласие безоговорочно подчиняться любому приказу, исходящему от любого офицера на протяжении всего срока твоей службы в армии. Когда закончишь есть, все, что мне нужно, это твоя подпись. Это первый шаг для твоего освобождения.

Последующие дни были продолжением кошмара тюремной жизни.

— Тебя собираются отправить в холодильник, — прошептал ему один из охранников. —Уступи. Ты не выживешь.

Иван спрашивал себя, сколько часов он сможет прожить в холодильной камере? Толстую дверь камеры, на стенах и потолке которой находились покрытые изморозью элементы холодильной установки, с глухим звуком закрыли. Белые от изморози стены камеры словно светились. Строки из Библии, которые приходили ему на ум, воспоминания о доме и мечты о том прекрасном, наполненном светом месте, куда он отправится, наконец успокоили его. Постепенно страх и боль утихли, и он задремал.

Сначала то ли во сне, то ли наяву ему почудилось, что он космонавт, летящий в холодный космос. Его тело сдавливало со всех сторон. Он открыл глаза. На нем был пневмокостюм, а пронзительный голос кричал:

— Ты изменишь свои убеждения? Он задыхался. Он не мог дышать. Ему казалось, в космосе были ангелы, появляющиеся и исчезающие в своем сиянии. «Ибо он даст своим ангелам задание в отношении тебя охранять тебя на всем твоем пути». Если я не выдержу, я вознесусь к небесам. Давление увеличили. Он пытался

вырваться от сильной боли и удушья в то место с пышной травой, где он был с ангелом.

— Ты изменишь свои убеждения? Мы прекратим давление. Выбирай, или ты проведешь здесь 7 лет.

Не надеясь, что они слышат его голос, он с невероятным усилием произнес:

— Если будет на то воля Бога, я останусь здесь. Если нет, выйду завтра.

Офицер охраны смял пустую пачку от сигарет и бросил ее в корзину для мусора, которая стояла возле его стола. Затем он вытащил новую пачку, достал оттуда сигарету, зажег одну и сосредоточенно затянулся. У него не было инструкций, как действовать дальше. Как солдату, Моисееву должны были предъявить обвинение и судить его предстояло военному трибуналу.

Конечно, его можно было задержать в Свердловске на неопределенное время, но насчет этого никаких приказов у них тоже не было. В течение следующих 12 дней Моисеева подвергали более изощренным методам допроса. И, наконец, решили отправить обратно в Керчь. Таким образом, у него будет длительное путешествие, во время которого он сможет обдумать свое будущее. Пусть замполиты в Керчи или Одессе решают, что с ним делать. Они не могут сетовать на то, что методы в Свердловске были недостаточно эффективными.

Внимание офицера привлекла маленькая птичка, сидящая на грязном снегу подоконника. Она клевала замерзшие крошки, которые он насыпал туда ежедневно.

ЧЕЛОВЕК ПРЕДПОЛАГАЕТ, А БОГ РАСПОЛАГАЕТ

Конец зимы был нетипичным для Керчи. По утрам все еще лениво кружился легкий снежок, но днем все больше пригревало солнышко. Замполит предупредил Ивана, чтобы он ничего не говорил о своем пребывании в Свердловске. У него не было ни минуты свободного времени, потому что ему необходимо было догнать свое подразделение по военно-политической подготовке.

К тому же он был назначен личным шофером подполковника Мальсина, который мог вызвать его в любую минуту. Время от времени, когда Иван сидел в классе с другими солдатами, его мир, полный суеты и торопливости, казалось, замедлял свое движение и мгновенно становился гармоничным и спокойным.

Один только раз ему удалось поговорить с Сергеем об ужасах Свердловска. Подбадривая друг друга, они перекинулись несколькими цитатами из Библии и вскоре расстались.

С приходом весны Иван стал замечать, что происходит нечто невероятное. Даже в те дни, когда он не мог найти время для молитвы, он испытывал растущее в нем чувство всепоглощающего присутствия Бога. Внутри его полыхала, как свеча возле иконы, любовь. Он был сильно удивлен, что никакой порыв несправедливости извне не вызывал колебаний ее пламени. Даже сегодня, торопясь на вечернюю лекцию по научному атеизму, он не чувствовал неприязни. Он устал, его мышцы болели. Но хвала Богу била ключом в его сердце.

Не было необходимости спешить. Солдаты столпились в углу классной комнаты. Иван сел и положил голову на крышку стола. Его сосед, Владимир Альбу, заметил его и не удивился, что Иван может спать в таком шуме. Настенные часы показывали, что время занятий уже давно наступило, а преподавателя все еще не было. Вдруг Владимира осенила идея:

— Давайте проведем собственную лекцию! Наш товарищ, Иван Моисеев, настроен против научных теорий. Однако до сих пор мы не слышали четкого объяснения его позиции. Пусть расскажет нам, за что он любит своего Бога.

Перед началом занятий Иван молился. И сейчас, ощущая внутренний подъем, он согласился. В классе воцарилось напряжение. Иван был рад, что у него появилась возможность проповедовать.

— Мой Бог, — начал он, — всемогущий и всесильный...

— Если твой Бог всесильный и все может, докажи это!

Одобрительный шепот послышался со всех сторон комнаты. Особенность поведения Ивана пробудила в умах многих вопросы, которые не давали им покоя.

— Если твой Бог все может, — сказал сержант, стоящий рядом, — пусть он сделает так, чтобы меня завтра отпустили домой. Тогда я поверю в него!

— Верно, — воскликнул Владимир. — Это будет по научному! Черное или белое. Да или нет.

— Да, Иван, я слушал тебя! До сих пор все, что ты рассказывал, было, как сказка. Но если твой Бог даст Прохорову возможность уехать домой на побывку, мы поверим, что есть Бог в небе.

Глядя на возбужденных солдат, Иван в душе истово молился.

Неожиданно он вспомнил разговор между Ваалом и пророком Илией из Ветхого Завета и ему на ум пришли слова: «Скажи им, что я сделаю это».

Все взоры были устремлены на Ивана в ожидании его ответа. В его голосе звучала твердая уверенность. Повернувшись к сержанту, он говорил четко с тем, чтобы каждый мог легко услышать его ответ.

— Господь говорит, что завтра ты поедешь домой. А теперь делай то, что я скажу. Выброси сигарету.

Сержант послушался.

— А теперь вынь всю пачку из кармана.

В недоумении пожав плечами, Прохоров вытащил пачку сигарет. Поднявшись из-за стола, он медленно пошел к урне. Казалось, в воздухе, как туман, повисло молчание. В конце концов, оно была нарушено появлением запыхавшегося офицера. Вечернее занятие началось.

Только после того, как выключили свет, Иван продолжил разговор с сержантом. Он лежал без сна на своей койке и смотрел в окно на мерцание звезд. Уверенность, прозвучавшая в ответе Ивана, заставила его задуматься.

Весь вечер он не мог думать ни о чем другом.

— Нам о многом нужно поговорить, — сказал Иван шепотом. Прохоров приподнялся на локте, набросив на плечо одеяло.

— Почему ты не спишь, Моисеев?

Иван улыбнулся:

— Потому что мне многое нужно сказать тебе. Так как завтра ты станешь верующим, я должен тебе многое сказать.

Прохоров нервно покосился в темноте на Ивана. Он вспомнил, как Моисеев простоял всю ночь в декабре на морозе. Поэтому он удивился, что Иван присел на краю его койки, закутавшись в одеяло.

— Ты сказал, что станешь верующим, если завтра утром Господь даст тебе отпуск?

— Конечно. Многие сказали, что поверят.

— Но ведь именно для тебя, Петя, Господь собирается совершить это чудо. Я должен рассказать тебе о том, чему учит Библия.

Несмотря на чувство беспокойства, Прохоров сильно заинтересовался тем, о чем рассказывал Моисеев. Никогда раньше он не слышал, чтобы об этом говорили с таким абсолютным убеждением. Учение Библии было немыслимо далеко от тех непонятных икон, которые он видел в музеях, и от тех странных рассказов, которые он слышал о христианских писаниях. Возможно ли, чтобы та пустота внутри него, которую он с давних пор считал обычным человеческим состоянием, была предназначена быть заполненной Богом, как говорил Моисеев?

— В вашем городе есть молитвенный дом? Сержанта удивил вопрос.

— Ты имеешь в виду для старух? Не знаю.

— Туда ходят не только старухи. Много молодежи. Они смогут помочь тебе. Я могу узнать для тебя имена нескольких верующих в твоем городе, но для этого потребуется время. Братья в Керчи будут знать.

— А что, в Керчи есть люди, которые верят так же, как ты? И в моем городе тоже?

Иван вдруг усмехнулся.

— Конечно! И ты принесешь им радость, когда расскажешь, что Господь сделал для тебя. Они воздадут Ему такую хвалу! Как они примут тебя!

Прохорову стало не по себе.

— На собрании верующих будут люди, у которых есть Библии. По крайней мере, у пастора — обязательно. Со временем кто-то даст тебе почитать Священное Писание и скажет, с чего начать. К сожалению, у меня нет Библии, чтобы дать тебе. Пока что ты должен верить в правдивость того, что я тебе говорю. Я

хочу рассказать тебе все, что могу, о том, о чем говорит Библия. Нам нужно обсудить, что такое мир, человек, грех, в чем заключается план Господа во имя спасения человека.

По мере того, как проходила ночь, тихий монолог превращался в диалог. За два часа до подъема они закончили беседу.

— Пожалуй, я уже не смогу заснуть, — сказал Прохоров. — Спасибо тебе, Ваня. Скоро утро.

При звуке горна Иван мгновенно проснулся с чувством трепетного ожидания. Это должен быть чудесный день. На этот раз он с нетерпением ждал сурового испытания, которым раньше был утренний марш-бросок. Возможно, ему удастся встретить Сергея и рассказать ему о Прохорове и о том, что пообещал сделать для него Господь. Но неожиданно Ивана вызвали.

Ночью в часть не был доставлен хлеб, поэтому Ивану нужно было отправиться в Керчь и привезти хлеб для завтрака. Иван забрался в кабину маленького грузовика и, напевая песню, повернул ключ в замке зажигания.

Когда спустя час он вернулся в часть, то обратил внимание на оживление возле гаражей, где обычно стояли грузовики. Он выбрался из кабины грузовика и побежал к толпе солдат, чтобы поинтересоваться, что там произошло. Это были ребята из его отделения. Возбужденный крик прорезал воздух.

— Ваня! Прохоров уехал в отпуск! Мы ждем, чтобы сказать тебе об этом!

Все окружили Ивана. Володя пробрался вперед и схватил Ивана за руку.

— Услышав на улице шум, несколько офицеров выбежали на улицу. Мы рассказали им о том, что произошло вчера вечером на политзанятиях. Видел бы ты их лица, когда мы сказали им, что все обернулось так, как ты сказал, Ваня! Майор Гиденко вышел, чтобы узнать, что происходит, а когда услышал в чем дело, послал нескольких солдат к поезду, чтобы вернуть Прохорова. Однако они увидали только хвост уходящего поезда. Прохоров уехал!

Майор Гиденко испытал мимолетное раздражение, наблюдая в бинокль из своего окна сцену возвращения Моисеева на базу. Он хорошо сделал, что приказал сразу же доставить Моисеева к нему. С удовлетворением он наблюдал, как Ивана отозвали от возбужденной толпы, а солдаты разошлись по своим местам.

Гиденко полагал, что после Свердловска Моисеев успокоится. Он послал донесение в Симферополь, так как дело Моисеева было под контролем. Но вот опять прокол — Моисеев приобретал популярность в своем подразделении. Он стал известной личностью и хорошим солдатом; сослуживцы интересовались им и его баптистскими взглядами. В нем было что-то совершенно необъяснимое. Подполковник Мальсин поручил майору докопаться до сути дела или обеспечить перевод Моисеева в другое подразделение, где его не знали.

В нынешнюю ситуацию было вовлечено нечто гораздо большее, чем казалось на первый взгляд. «Наверняка, — думал майор, — у Моисеева были связи в Одессе, раз он узнал об отпуске Прохорова». Гиденко был подавлен. Для разрешения возникших трудностей было необходимо время. Кроме того, у майора уже не было уверенности в том, что проблема с Моисеевым будет легко решена. Вопрос с Прохоровым был совсем другого рода. Он всегда был политически здравомыслящим. Какой-то смутьян придумал историю, якобы Прохоров заявил, что станет верующим. Это можно будет выяснить, когда Прохоров вернется.

Плохо, что сам командир полка Мальсин вникает в это дело. Ведь в части было достаточно политработников, которые могли бы справиться с десятком таких, как Моисеев. Но Мальсин был особо чувствителен к вопросам, касающимся религии. Гиденко поднялся и отдал честь, когда Мальсин, человек маленького роста, вошел в комнату. К сожалению, Мальсин не доверял подобные вопросы другим.

— Если бы не его популярность среди солдат, я мог бы сделать, чтобы о нем позаботились. — Слова Мальсина, произнесенные резким голосом, звучали обвиняюще и предназначались Гиденко.— С одной стороны, он — отличный шофер, поверь мне, я внимательно слежу за ним.

Всегда трезв и исполнителен, машина в отличном состоянии, а служит всего шесть или семь месяцев.

«Долго, — думал Гиденко,— ведь за это время он успел уже бросить вызов руководству части».

— Я видел до этого, как действуют баптисты. Они упрямы и хитры, — продолжал Мальсин. И скрытны, но в службе прилежны и старательны. Они знают о законах нашей страны

(или думают, что знают) больше, чем все вы, политработники, вместе взятые.

— Формально, в соответствии с законом, Моисеев не совершил ничего криминального, —ответил Гиденко. — Несомненно, он знает об этом.

Гиденко открыл окно своего кабинета, чтобы впустить немного свежего морского воздуха. Весна была прекрасна в Керчи, — она приходила рано и продолжалась долго. Он сделал глубокий вдох. Ему хотелось, чтобы Моисеев скорее прибыл.

— Чепуха! Вы заставляете меня усомниться в вашей компетентности, Гиденко. Я мог бы арестовать Моисеева сейчас же, как агитатора. Начнем с того, что существуют законы, я полагаю, направленные на борьбу с антисоветской деятельностью и пропагандой религии. Моисеев виновен и в том, и в том. Однако могут возникать ситуации, как вы сами очень хорошо знаете, когда законы надо откладывать в сторону и применять свою власть.

Гиденко не любил спорить с подполковником.

— К сожалению, с Моисеевым нельзя действовать открыто. Он стал центром внимания. Солдаты в его отделении не должны расценивать наши действия, как антирелигиозные, товарищ подполковник. А то, что его действия антисоветские, понятно. Но, может быть, это не так ясно солдатам. Это вовсе не простая проблема.

Мальсин раздраженно и хмуро посмотрел на Гиденко, когда тот зажигал сигарету. Дело с самого начала велось неправильно. Пять дней без пищи! Несколько часов на морозе! Достаточно времени, чтобы он придумал историю про ангелов, только и всего. А теперь еще один случай с Моисеевым и его Богом в главной роли. Напряженное лицо Мальсина на мгновение осветилось пламенем от спички в тусклом свете кабинета. Существует научное объяснение случаю с отпуском Прохорова, если мы добудем факты. В мире нет тайн. Есть только неведение.

В дверь отрывисто постучали и Ивана ввели в кабинет.

Мальсин сделал глубокий вдох. Мальчишка был довольно красив. С точеными чертами лица и ясными, спокойными глазами. Его лицо выражало внимание, но что-то в нем не нравилось Мальсину.

— Моисеев, я сразу перейду к делу. У меня есть причины подозревать тебя в подрывной антисоветской деятельности. Чтобы узнать о приказе, поступившем в часть только сегодня утром в отношении отпуска сержанту Прохорову, тебе нужно было связаться со своими сообщниками в Одессе.

Гиденко повернулся на стуле и невозмутимо смотрел в окно. Четырьмя этажами ниже перед его зданием проходили солдаты и посматривали вверх. Значит, им уже известно, что Моисеева еще раз вызвали для беседы.

— Установлено, что ты пытался втянуть в свои религиозные фантазии как можно больше солдат, у которых нет твердых материалистических и социалистических взглядов на жизнь. Ты всячески отрываешь их от нормальной службы. Как твой командир, я приказываю тебе немедленно прекратить всю подобную деятельность и полностью признаться во всех подрывных действиях.

Майор медленно повернулся от окна лицом в комнату. Моисеев не шелохнулся. Он ничего не сказал.

— Прежде всего, — продолжал Мальсин еще более срывающимся голосом, — как ты узнал о предстоящем отпуске Прохорова? В Керчи заранее о нем никто не знал. Я требую исчерпывающего объяснения.

Иван говорил спокойно и четко.

— Товарищ подполковник, я не знал, что сержанту Прохорову предоставят отпуск. Бог сказал мне, что Он даст ему отпуск, чтобы продемонстрировать Свое существование. И Бог сделал это.

Мальсин в ярости вспыхнул. Еще более отчетливо, как будто бы он ничего не слышал, он повторил свой вопрос.

Прошло утро, начался день, сопровождаемый яростью, угрозами. Энергия Мальсина казалась огромной, и все же Моисеев отвечал спокойно, иногда слишком медля с ответом, так что Гиденко даже заподозрил, не болен ли он.

Неожиданно Мальсин приказал Моисееву возвращаться в казарму. Как только дверь за ним закрылась, Мальсин произнес сквозь зубы:

— И он еще ест советский хлеб!

БЕДНЯКИ ПОЮТ,

БОГАТЫЕ СЛУШАЮТ

Все лето в воздухе витала неопределенность. До Ивана дошли слухи, что его должны перевести в другую часть. Он знал, что Мальсин намерен избавиться от него. Но благоухание весны в морском порту уступило место красоте лета и ранней осени, а он все еще оставался в Керчи, проживая горячие дни и ночи по расписанию, которое не оставляло времени для размышлений. Он старался преуспевать во всем: политзанятиях, учебной стрельбе по мишени, физических упражнениях, освоению сложной механики, вождении, ночных учениях, полевых маневрах. В каждом виде деятельности он усматривал возможность прославить Бога.

Но сегодня в конце дня стало известно еще кое-что о его переводе. Он бежал к почтовому ящику, чтобы отправить письмо домой перед занятиями и услышал, как кто-то из небольшой толпы солдат, стоявших у двери в армейскую столовую, произнес его имя.

— Что сделал Моисеев? — спрашивал один из солдат, обращаясь к офицеру, — разве наша Конституция не гарантирует каждому свободу совести? Разве противозаконно быть верующим? Какой закон он нарушает, что его так часто вызывают для беседы?

Иван не расслышал ответ офицера. Подполковник Мальсин и майор Гиденко пришли бы в ярость, если бы им сообщили, что некоторые из сослуживцев Ивана выступают в его защиту. Вдоль дороги, ведущей к лекционному залу, мигали фонари. Дорога была пыльной и пока Иван шел, его сапоги покрылись толстым слоем пыли. Вглядываясь в покрытые зеленью поля, он размышлял о том, что во всем мире люди могут свободно и открыто молиться Иисусу. Насколько он не был уверен в своей дальнейшей судьбе, настолько он был уверен в существовании Господа. Он всегда будет помогать ему. Хвала, хвала, хвала Всевышнему! Самый святой, самый достойный, самый прекрасный, всемогущий Бог! Он радостно обратил свой взгляд к вечернему небу. Языки пламени осветили небеса так ярко, что уже появившиеся первые звезды внезапно померкли в этом сиянии.

Иван в страхе прислонился к стволу дерева в небольшой рощице на перекрестке. Казалось, небо извергает пламя, но его языки не достигали земли. Волны тепла и приятные ощущения растопили его страх и он в оцепенении смотрел на небо. Постепенно на языках пламени стали появляться буквы. Все это было так захватывающе, что Иван смотрел широко раскрытыми глазами, ничего не понимая. Внутренний голос настаивал: «Читай».

Как ребенок, который учится называть слово по буквам, он смотрел на каждую отдельную букву. Медленно послание достигло его сознания: «Я скоро приду». Казалось, слова прыгают от радости, которая росла в сердце Ивана. Снова и снова слова повторялись в торжественном движении.

С внезапно охватившим его чувством отчаяния Иван осознал, что видение исчезает. Пламя ушло в темноту неба. И все исчезло в тот же миг.

— Пошли, Моисеев, — дернул его кто-то за руку. — Опоздаем.

Как слепой Иван пошел рядом с ним. От ощущения, что у него разрывается сердце, Иван не мог ничего сказать. Пока они шли, говорил его напарник. Иван пытался сосредоточиться, как ни в чем не бывало войти в зал и занять свое место, но мысли невольно возвращались все к тем же словам.

Когда посреди душной ночи прозвучал сигнал подъема, он еще не сомкнул глаз, будучи не в состоянии уснуть из-за охватившей его радости. Он лежал, молясь и размышляя о том, что ангел предвещал ему — у него еще много дел на земле.

Первые лучи утренней зари подняли Ивана с постели, но он все еще продолжал молиться Богу, а Мальсина солнце не радовало. Он устало кашлянул, пытаясь сесть на кровати и вспомнить, почему этот день был ему неприятен. Он слышал, как в кухне жена готовит завтрак и нежно разговаривает с сыном.

А! Сегодня часть отправляется в Жостеру на сбор урожая. Мальсин не любил неоконченных дел. Проблема с Моисеевым заключалась в том, что он успел обзавестись многочисленными друзьями в части. Это не трудно было понять. Он был общительным, усердным, часто помогал всем. Несомненно, что свое умение быстро сходиться с людьми солдат использовал для распространения своих религиозных взглядов. Но Гиденко прав.

Он, действительно, не сделал ничего противозаконного. Мальсин сидел задумчиво, размешивая в стакане сахар. Его жена, Галина, с грустью посмотрела на него.

— Нельзя, — наконец сказал он, — разрешить Моисееву отправиться на уборку урожая вместе со всеми. Мне следовало перевести его в другую часть.

— Все эти странные истории мне уже действуют на нервы. Ты говоришь, что есть научные объяснения всем вопросам, но...

Она замолчала и перевела взгляд на светлеющее утреннее небо. Мальсин так быстро глотал чай, что обжег нёбо.

— Что ты говоришь, Лина? Ты же советский учитель и сомневаешься, что наука может все объяснить?

Это очень странно. Я думал, что это именно твоя задача — воспитывать школьников в духе марксизма-ленинизма.

Интуитивно она наклонилась к нему через стол и ее широко расставленные голубые глаза посмотрели неожиданно игриво:

— Володя, не утомляй меня. Неужели весь этот научный материализм никогда не надоедает тебе? Я сомневаюсь в этом.

Мальсин бросил взгляд через плечо на сына, одевающегося в спальне, а жена в это время продолжала:

— Неужели ты никогда не удивлялся тому, что баптисты — это, как правило, люди наиболее усердно работающие, честные, порядочные.

— Что меня удивляет, так это то, что женщина с твоим образованием и положением может так говорить, — Мальсина вдруг взбесили слова жены.

— Сама идея Бога — это всеобъемлющее объяснение явлений природы, которые пока еще не познаны. Или, что хуже, Бог— это просто слово, которое веками произносилось в истории нашей страны, чтобы утвердить несправедливость, поддержать жестокость и лицемерие. Эти вещи ты очень хорошо знаешь.

Его обожженный язык все еще жгло. Запихивая бумаги в папку, он проигнорировал тарелку с рыбой, которую жена поставила на стол.

— Эта злокачественная опухоль должна быть удалена из нашего общества, если мы хотим, чтобы коммунизм восторжествовал полностью и окончательно. Как могут все граждане вступить в 21-й век, если некоторые все еще окутаны религиозными предрассудками?

Галина помедлила, прежде чем заговорить.

— Но, Володя, нам же говорят, что борьба с религией требует применения исключительно идеологического оружия, так как принудительные методы разжигают религиозный пыл. Ты ведь не думаешь о применении принудительных мер к Моисееву? — Воспоминания омрачили ее лицо.

В голосе Мальсина звучало раздражение.

— Если мне придется отчитываться за принятые мной меры перед школьным учителем, то я сяду за парту вместе с твоими десятилетками.

Мальсин хлопнул дверью.

Несколько недель на совхозных полях, жизнь в палатках под необъятным украинским небом пролетели слишком быстро для Ивана. Многим ребятам, особенно бывшим городским жителям, был непривычен такой труд. Но для Ивана обстановка была знакомой. Не то, чтобы его родители работали в таком же огромном совхозе, как этот. Запах земли, свободный полет птиц над полем заставляли его иногда забывать о том, где он находится. И он, разгибая спину, ожидал увидеть работающих рядом с ним братьев и маму.

Для него это было хорошее время отдыха и духовного обновления, которое, думал Иван, окончилось слишком быстро. Он сидел в кабине и смотрел на тягач, тянувший его собственный ЗИЛ-164 с поврежденным приводным валом. Колонна армейских грузовиков возвращалась на закате дня по холмистой сельской местности в Керчь.

Вдруг мирное течение мыслей Ивана было прервано громким стуком под грузовиком. Иван посигналил, чтобы привлечь внимание Федора Трусова в тягаче. Они приближались к вершине холма. Федор осторожно направил обе машины к обочине и выпрыгнул вместе с Алексеем Куприным.

— Что произошло? — спросил Алексей. Иван пожал плечами и выпрыгнул из кабины.

— Дай мне фонарь и сумку с инструментами. Сейчас разберемся. Поставь машину на аварийный тормоз.

Где-то вдали выла собака. Ночь была темная, звезд на небе не было. Федор взглянул на часы и тяжело вздохнул:

— Десять вечера. Не удастся поспать. Даже при слабом свете фонаря Иван увидел поломку. Он с невероятным усилием

протиснулся под карданный вал, порылся в сумке с инструментами в поисках гаечного ключа. В тот же момент грузовик сдвинулся с места и он понял, что Алексей не поставил его на аварийный тормоз. Рывком он попытался выкатиться из-под грузовика и отчаянно закричал:

— Назад!

Странно, но в последующие несколько минут боль не заглушила его сознание и он сообразил, что произошло: заднее колесо придавило ему плечо и грудь. Позже он вспоминал, как ревел мотор грузовика в то время, как Алексей снова и снова пытался сдать назад, как запах протертой резины и машинного масла ударил ему в нос и в кромешной тьме под грузовиком он заметил свет фар выкатившейся на дорогу встречной машины. В тонком луче света летали маленькие насекомые. Боль пульсировала у него в груди, затрудняя дыхание. Иван ясно осознавал, что Алексею не удавалось сдвинуть машину с места. Он был уверен в том, что вскоре встретится с ангелом.

— Иисус, Иисус! — шептал он.

Небольшой толчок — мотор взревел и колеса покатились назад. Иван отполз от грузовика и рухнул на искалеченные руку и грудь. Когда он открыл глаза, боль была такой сильной, что ему казалось, будто внутри у него все горит. Рядом со своей кроватью он увидел врачей, а за ними белую стену и узкое окно, занавешенное провисающей белой хлопчатобумажной тканью. Он попытался заговорить, но не смог, так как во рту все пересохло от жара.

Кто-то из медперсонала склонился над ним, читая вопрос в его глазах, и он услышал мягкий приятный голос:

— Тебя привезли в Симферопольский военный госпиталь, рядовой Моисеев. Потерпи немножко, скоро тебе будет легче.

Медсестра принялась обмывать его лицо холодной водой. Иван пытался облизать влажную салфетку, когда она прикасалась к его губам. Улыбаясь, она поднесла ему стакан с водой. Казалось, малейшее движение вызывало ужасную боль. Самый легкий вдох доставался ему ценой невероятного усилия. Он следил глазами за тем, как медсестра поставила стакан на маленький столик рядом с его кроватью. Его правая рука лежала неприкрытой. Он удивленно посмотрел на нее. Вся кисть, запястье и часть руки, которая была без повязки, имели серо-землистый цвет. Казалось,

что рука лежала отдельно от тела. Даже если бы он хотел, то не смог бы пошевелить опухшими пальцами. Превозмогая боль, Ваня прикоснулся к запястью и тыльной части руки — они были холодны как лед. Все остальное тело горело огнем.

Медсестра помогла ему приподняться, и он с жадностью сделал еще несколько больших глотков. Он увидел, что находится в большой палате. Некоторые из пациентов были тяжело больны и лежали под капельницами. Другие спали. Кто-то уже выздоравливал, передвигаясь по-старчески от кровати к стулу. Кое-кто пристально наблюдал за ним. Медсестра ушла, унося с собой миску и салфетку. Иван закрыл глаза и стал молиться.

Перед ужином пришел хирург. Он долго осматривал его руку, потом попросил молоденькую медсестру позвать еще одного врача. Перекинувшись несколькими фразами, они отошли в сторону, посовещались и хирург снова подошел к его кровати.

— К сожалению, — сказал он, глядя в упор на Ивана, — не исключена операция. Крепись, браток!

У Вани перехватило дыхание. Неужели его правую руку, которая была так пугающе холодна, предстояло ампутировать? Иван посмотрел, как доктор с усталым видом направился к выходу, останавливаясь то возле одной, то возле другой койки, отрывисто кивая; плечи его согнулись от усталости.

С уходом врача больные опять остались один на один со своей болью и переживаниями. Мозг Ивана в отчаянии отказывался воспринимать слова хирурга. Сильные удары сердца отдавались в поврежденном легком.

Он приходил в ужас при мысли об ампутации руки.

— Услышь мою молитву, о Господи! Пусть мой крик о помощи достигнет Тебя. Не отворачивайся от меня, когда я в отчаянии; выслушай меня благосклонно; дай мне ответ в тот же день.

Ивану нужно было как-то вырваться из постели. Он чувствовал, что впадает в такое состояние, при котором не мог ни молиться, ни надеяться. С огромным трудом он переместился на край кровати и опустил ноги. Иван пытался удержать равновесие, но его сильно шатало и от боли закружилась голова. Взоры всех присутствующих, выражающие одновременно страх и восхищение, были прикованы к нему.

— Я во весь голос взываю к Господу; я вслух прошу Господа. Я изливаю перед Ним свой недуг; я признаюсь Ему в своей беде. Когда душа моя была разбита, Господи, Ты же знал, что меня ждет. Я взывал к Тебе, о Господи, я говорил, что Ты — мое убежище, мой удел на земле бренной. Обрати внимание на мой зов!

Проходившая мимо медсестра остановилась в дверях и медленно вошла в комнату.

— Освободи мою душу из тюрьмы, чтобы я мог воздать благодарность Твоему имени, ибо Ты будешь щедр ко мне.

Поддерживая Ивана под левый локоть, медсестра повела его к кровати. Казалось, все его тело сотрясалось от радости. Иван вдруг улыбнулся:

— Ты будешь щедр ко мне.

Он помнил, как медсестра, успокаивая его, уложила на кровать, а затем погрузился в благословенную темноту.

Было шесть часов утра, когда он проснулся. Несколько минут Иван лежал неподвижно, стараясь удержать приятный сон. Постепенно он начал осознавать, что лежит на спине, а не согнувшись на неповрежденном левом боку. Его дыхание было ровным. Осторожно он сделал глубокий вдох. Руки его были сложены над головой и он был в состоянии окинуть взглядом палату, все еще погруженную в сон. Тихо он стал возносить хвалу Господу за невероятное облегчение после сна. Он осторожно опустил правую руку вниз. Она была совершенно здоровой, кончики пальцев розовые, кожа была все еще слегка загоревшей от работы на полях. С помощью обеих рук он сел, а затем и встал с кровати. Улыбаясь и изумляясь происшедшему, он слегка взбил подушку и разгладил простынь на краю кровати. Затем он взмахнул над головой одной рукой, а затем другой.

Ликуя от счастья, он со словами молитвы опустился на колени у кровати. Почти шепотом он воздавал хвалу Господу:

— О, моя душа! Я буду восхвалять Господа, пока я живу. Я буду воздавать хвалу Господу, пока существую. Господь открывает глаза слепым, Господь поднимает тех, кто сломлен, Господь любит справедливость. Хвала Господу!

Вдруг застонал больной на соседней койке. Кто-то в противоположном углу палаты усиленно пытался дотянуться до стакана с водой. В окно пробивался рассвет, освещая серое небо.

Медсестра, дежурившая днем, механически выдвинула ящик в столе Ивана, чтобы взять термометр. Он открыл глаза и сонно посмотрел на нее. Термометр завис в воздухе, когда она испуганно посмотрела на него. В то же мгновение она быстро вышла.

Стремительные шаги по палате разбудили ею во второй раз. Рядом с медсестрой стоял хирург. Какие-то другие врачи спешно входили в палату. Все казались испуганными.

Что происходило? Вдруг его охватила радость: он сидит! Он посмотрел на свои руки. Повязка лежала сверху на одеяле в ногах кровати. От восторга он глубоко задышал. Он потер руки, а затем с удивлением развел их в стороны.

Врач был в недоумении. Он не находил слов. Медсестра попятилась назад.

Наконец, дрожащим голосом врач произнес:

— Можно измерить вам температуру, товарищ Моисеев?

Иван зарделся от счастья.

— Нет необходимости, товарищ врач. Хирург продолжал пристально смотреть на него. В конце концов он поставил лекарство на стол, пощупал пальцами правую руку Ивана. Осторожно закатывая рукав больничного халата, он взглянул на Ивана, снова и снова обращая внимание на его сияющее лицо.

— Я понял, что вы не можете вылечить меня. И я обратился к моему небесному Доктору, который излечил меня этой ночью.

— Посмотрите! — ухмыляясь, Иван откинул одеяло и встал на пол. Вчера вечером я был очень болен. У меня была высокая температура. Сейчас я покажу вам, на что способен мой Бог.

Иван передал врачу термометр, он встряхнул его и засунул подмышку Ивану. Некоторые больные собрались вокруг его постели. Другие — тихо переговаривались между собой, лежа на кроватях, пытаясь понять и передать другим, что происходит.

Врач вынул термометр.

— Температура нормальная, Моисеев. Все же необходимо лечь в постель.

Ивану трудно было подчиниться. Ему хотелось прыгать, кричать, восхвалять Бога. Когда врачи наконец ушли из палаты, он приподнялся на локте и стал рассказывать больным, что сделал с ним Бог.

ЧТО ВПИТАНО С МОЛОКОМ МАТЕРИ, УХОДИТ ТОЛЬКО С ДУШОЙ

Подполковник Мальсин швырнул журнал донесений на стол. Никогда раньше ни один телефонный звонок не приводил его в такое бешенство. «Главный хирург в Симферополе, —размышлял он, — оказался совершенно некомпетентным. Вчера он доложил, что Ивану Моисееву предстояла серьезная операция. Очень хорошо. Пусть ампутируют, если не могут спасти ему руку» — Мальсин признался себе, что почувствовал облегчение от того, что Моисеев не вернется в Керчь. Казалось, жизнь расставила все на свои места. Моисеев станет, вероятно, инвалидом, будет комиссован из армии. В любом случае он больше не будет для них проблемой номер один.

А сегодня главный хирург рассказал ему по телефону невероятную историю. Хирургическое вмешательство, оказывается, больше не требуется. Его раны каким-то чудом затянулись. Человек науки, с жаром рассказывающий о чудесах! Этого только не хватало! Еще несколько дней тому назад положение больного было критическим, а сегодня его уже выписали и сейчас он на автобусе возвращается в свою часть. И это человек науки! Мальсин непременно порекомендует, чтобы его осмотрел психиатр. А как дрожал его голос, когда он кричал в трубку: «Подполковник, впервые в жизни я вижу, что Бог существует! Он вылечил Моисеева! »

А может это попытка скрыть свою некомпетентность? Если была грубая ошибка в диагнозе, не лучше ли было признать ее и понести ответственность за последствия? С мрачным видом Мальсин составил донесение о выписке Моисеева из госпиталя. Каждое слово, произнесенное армейским хирургом о чудесах и Боге, будет отослано в Москву.

Возвращаясь в Керчь, Иван молился, воздавая в душе хвалу Богу. Поздний ноябрьский пейзаж проносился в серой дымке. В любой день мог пойти снег, однако на колхозных полях еще продолжалась работа. Селения за окном напоминали ему его родные места. Он любил это все: необъятное небо, поля, распростершиеся до горизонта, людей, несущих в огромных

корзинах капусту к грузовикам. На минуту он забыл обо всем, что с ним произошло. Впереди его ждали новые испытания.

«Это случалось со мной часто, — писал он как-то своим родителям, — после того, как Бог продемонстрирует свою всемогущую власть надо мной, сатана сердится и всячески пытается навредить мне».

И сейчас, всего в нескольких часах езды от Керчи, он старался настроиться на то, что могло ожидать его в части. Но внезапность и злобность обрушившихся на него нападок сразу же после возвращения изумили солдата.

Майор Долотов прислал из Симферополя предписание, касающееся рядового Моисеева, согласно которому на командира полка и его заместителя по политчасти возлагалась личная ответственность перед ним за Моисеева. Уже прошел год с тех пор, как он служит в армии, однако все еще остается верующим и не скрывает этого. Если Гиденко и Мальсин не сумеют перевоспитать рядового Моисеева, то понесут наказание.

Не успел Иван распаковать свои вещи, как его тут же вызвали для беседы. Он уже привык к тому, что его могли вызвать и с занятий, и со столовой, и даже поднять с постели.

Было известно, что «на гражданке» он участвовал в незаконной деятельности незарегистрированной церкви. То, что он занимался подрывной работой в армии, было установленным фактом. Скольких солдат он успел уже втянуть в водоворот своих фантазий! Он мог быть осужден в любое время на 7 и более лет за антисоветскую агитацию по ст. 58, § 10 Уголовного кодекса. На него поступило большое количество докладных. Он отказывался подчиняться. Им интересовался КГБ. Ему необходимо пройти обследование психиатра и экзамен на политическую зрелость. Если существует Бог, почему же никто не верит в него? Может ли он процитировать утверждения Маркса, Энгельса и Ленина о Боге?

Этот поток слов продолжался часами. Иван старался не слушать, а сосредоточиться на молитве.

«В чем причина твоей замкнутости? Почему солдаты из других отделений иногда приходят к тебе с вопросами? Кто они? Признаешь ли ты, что пытаешься обратить их в веру? Понимаешь ли, что такая деятельность запрещена законом? Твои разговоры об ангелах и исцелении — это религиозный бред. Не является ли

то, что ты говоришь о бессмысленности жизни без Бога, просто деградацией сознания? Какие у тебя друзья в Одессе? Когда ты последний раз был там? В сотнях твоих ответов многое не сходится. Разве ты не давал клятву не врать? Почему мы, атеисты, никого не обманываем, а вы, верующие, обманываете государство своими тайными собраниями и незаконными публикациями? Вы не вписываетесь в общество...»

Зима прошла, как расплывчатый медленно текущий кошмар, и наступила весна 1972 года. Изможденность, холод и неопределенность одолевали его. Иван чувствовал это. Бывали короткие периоды передышки, во время которых дни протекали нормально в армейской рутине, а затем опять начинались встречи, интервью и допросы. Каждый день он изливал душу Богу.

Иван обнаружил, что дверь в тамбур, примыкавший к спальному помещению, служила запасным выходом на случай пожара и не запиралась на ночь. Окно на противоположной стене узкого помещения выходило на пожарную лестницу, ведущую вниз на улицу. Теплыми ночами Иван часами молился там, стоя на коленях.

Иногда его охватывало чувство тоски по дому, особенно ранней весной, когда позеленели поля вокруг части. Бывали ночи, когда у Ивана совершенно не было сил молиться. Он был так измучен расспросами, наставлениями, объяснениями, что в последнее время его ответы часто были сбивчивыми, непоследовательными. Он видел по выражению лиц тех, кто часами беседовал с ним, чувство удовлетворения, словно они на чем-то поймали его.

Нынешним вечером луна, которая была видна из окна кладовой, плыла по небу в окружении туч. Эта же луна взошла и над виноградниками его родной Волонтировки, Иван был в унынии. Завтра перед завтраком он должен был снова явиться в кабинет к Мальсину.

— Господь Иисус! Иисус! Тишина в комнате стала еще глубже.

— Иисус! Я не знаю, сколько продержусь!

Иван опустил голову на стул. На какое-то мгновение он забылся, приятная мелодия зазвучала в голове и Ваня позволил ей убаюкать его в легком дуновении ветерка, долетающего из

открытого окна. Вспышкой света озарились ресницы его закрытых глаз. Музыка становилась все приятнее.

Знакомый толчок заставил его встать и подойти к окну. В темном небе светились ангелы. Их полупрозрачные одеяния словно были сделаны из светящихся огоньков различных цветов и делали их лица ослепительно красивыми. Казалось, что они движутся, но их расположение в небе не менялось, а песня их становилась все громче и поднималась все выше в ночи.

Прошло некоторое время и их свет погас. Небо стало менее черным и медленно превращалось в жемчужно-серое. Скоро утро. Со слезами раскаяния и счастья, в изумлении Иван опустился на колени со словами молитвы на устах. Глубокая тишина стояла в спальне. Голос, который он помнил и ни с чем бы не спутал, произнес: «Это для успокоения твоей души. Завтра тебя не будут допрашивать. Скоро ты уедешь отсюда».

Мальсин пришел в ярость, узнав что Моисееву кто-то приказал привезти для столовой хлеб.

Хорошо было мчаться по открытой широкой дороге, глядя на необъятные просторы полей. Машина с хлебом, загруженным в фургон и закрытым на большой висячий замок, легко катилась по асфальтированной дороге. Рядом с Иваном в кабине сидел сержант, шумно уплетая дыню, купленную по дороге.

Неожиданно для себя Ваня услышал внутренний голос: «Ваня, сбавь ход». Он взглянул на спидометр. Стрелка замерла на отметке 60 км/час. «Показалось», — подумал он. От ольховой посадки вдоль дороги повеяло в открытое окно прохладой. Рядом с ней тянулась длинная тропинка, ведущая куда-то в поле и там исчезающая. « Ваня, сбавь скорость!»

Он взглянул в боковое зеркало. Сзади него, как и впереди, была прямая и пустая дорога. Иван съехал на обочину и остановил грузовик. Сержант спрыгнул вслед за ним. На дороге лежала булка хлеба. Открыв дверку фургона, они изумились — половины хлеба не было, он был разбросан по дороге.

Сержант был в недоумении.

— Ничего не пойму, Ваня, ведь точно помню, что мы с тобой закрывали замок.

Иван тоже был ошеломлен. Он наклонился и поднял хлеб.

— Когда мы ехали, Бог сказал мне, чтобы я сбавил скорость, но, казалось, для этого не было оснований, и я не послушался. Он

опять заговорил с моей душой, но я снова не внял Его словам. Теперь же Он заставил нас остановиться.

В то время, как Иван выехал снова на дорогу и развернул грузовик, чтобы вернуться назад за хлебом, полный отдыхающих у Черного моря автобус со свистом пронесся мимо.

Чтобы собрать хлеб, булка за булкой, понадобилось некоторое время.

— По какой-то причине, — сказал Иван, —Бог хотел, чтобы мы сбавили ход. В этом я уверен. Когда я не обратил внимание на Его предупреждение, Он сделал так, чтобы хлеб исчез и мы остановились. Я не знаю, почему так случилось.

— Ты опять за свое. Вы, баптисты, странный народ, Ваня, — заметил сержант, после того, как они двинулись в путь. — Думаю, многие немножко верят, но зачем, чтобы об этом знали другие? Зачем ты превратил свою жизнь в страдание, рассказывая всем о своем Иисусе?

Иван отвечал медленно, надеясь, что таким образом его слова будут понятнее:

— Согласно Конституции у нас в стране свобода совести и люди имеют право выбора — следовать им религии или нет. И я не вижу необходимости скрывать свои взгляды.

— Если честно, мне нравится твоя искренность и прямота. Ты хороший парень и мне жаль тебя, потому что все может закончиться слишком плохо. Он замолк, увидев за поворотом страшную картину. Автобус, промчавшийся мимо них, когда они собирали хлеб, лежал в кювете. Повсюду были искалеченные тела пассажиров, поперек дороги стоял поврежденный автокран, с которым, очевидно, столкнулся автобус и несколько легковых машин. Прибыли машины милиции и скорой помощи. Со всех сторон раздавался жуткий стон.

— Если бы мы не остановились, чтобы собрать хлеб, — заметил сержант, мы могли бы тоже попасть в аварию. Его голос дрожал.

— Бог спас наши жизни. Он ведь любит не только меня. И тебя тоже.

ВСЯК СВЕРЧОК ЗНАЙ СВОЙ ШЕСТОК

Мальсин вернулся из трехдневной командировки в Симферополь и, сидя в кабинете, снова размышлял над тем, что ему делать с Моисеевым, а на столе у него лежала открытой папка с личным делом солдата. «Может быть, его следовало наказать за безответственное отношение к своим обязанностям, которое было очевидным: он не запер как следует заднюю дверцу фургона? Однако, он гениально сумел использовать эту ситуацию, чтобы продемонстрировать еще одно из чудес своего Бога». Сигарета Мальсина догорела до конца. Он раздраженно загасил ее в переполненной пепельнице.

«Несомненно, Моисеев должен быть привлечен к уголовной ответственности. На протяжении восемнадцати месяцев он оказывал открытое неповиновение и сопротивлялся любым попыткам политического перевоспитания. Его настойчивые заявления о том, что он не нарушал советские законы, а страдает как верующий, были откровенной клеветой на советское государство и строй. Этой причины для ареста было бы тоже достаточно. К тому же он постоянно проводит незаконную агитацию, будоражит умы солдат. Моисееву осталось служить шесть месяцев и он должен быть привлечен к суду, осужден и изолирован, прежде чем встанет вопрос о его увольнении в запас».

Мальсин нажал кнопку звонка. В двери появился дежурный солдат.

— Рядового Ивана Моисеева ко мне, немедленно.

Дверь быстро закрылась, затем снова открылась.

Дежурный был в нерешительности.

— Товарищ подполковник! Рядовой Моисеев отбыл вчера в краткосрочный отпуск в Молдавию. Будет двенадцатого.

Проклятие! — В ярости закричал он. — Кто отдал приказ?

Он понял, что его заместитель отправил Ивана в отпуск, не придавая особого значения мнению старшего по должности. Ну что ж...

Все окна маленького деревянного дома были распахнуты навстречу свежести воскресного весеннего утра. Было душно, так как внутри собралось много верующих. Юноши и девушки, облокотясь на подоконники, пели, и их прекрасные голоса были слышны далеко за селом. Все собрались в этот день, потому что брат Иван прибыл на побывку. Юная Светлана пыталась хоть

глазком увидеть в окно Ивана, который сидел на постном месте рядом с пасторами. Он был одет как и раньше, когда приходил на собрания, но выглядел намного старше. Они пели молдавские песни, которые все так любили. Люди радовались тому, что Ваня был вместе с ними.

Светлана знала — прежде чем собрание закончится, Ивана попросят выступить с проповедью. Она смотрела на всех Моисеевых, лица которых светились от волнения и счастья. Когда закончилось пение, пасторы предложили сначала выступить Ивану. Он зачитал строки из Ветхого Завета: «И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и преклонился, и пал на лице свое». Иван поднял глаза от книги и улыбнулся.

— И сегодня точно так же Господь открывает своих ангелов тем, кто верит в Него и показывает им свою силу. Я хотел бы также прочесть слова из Послания от Марка 14:35, где говорится: «И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей!»

— Да, дорогие братья и сестры, такие часы бедствий, которые нисходят на нас, действительно отражают времена больших трудностей и многие из нас испытали их. В такие минуты Господь прибегал к молитве. Он знал обо всем, что ожидало Его, но мы этого не знаем. Вместо проповеди я хочу пригласить вас помолиться. Господь Иисус молился. Давайте же и мы помолимся.

В его голосе было что-то, от чего глаза Светланы вдруг наполнились слезами.

Лишь когда собрание окончилось, взрослые уступили молодежи места вокруг Ивана. Всем хотелось расспросить подробнее о его службе, узнать о трудностях.

Этот день Светлана никогда не забудет. Какие чудеса совершил Господь! Чудо исцеления! История с хлебом! Отпуск сержанта! В ответ на рассказы Ивана часто раздавались гимны восхваления. Время от времени кто-то из братьев и сестер принимался молиться за офицеров Ивана, за его новых товарищей по службе, о которых он рассказывал.

Уже темнело, когда Моисеевы возвращались в свою родную Волонтировку. Младшие братишки семенили, спотыкаясь рядом с матерью, а двое постарше не отходили от Ивана, слушая его

рассказы о службе. По пути домой он видел вдали дом своего женатого брата возле маленькой рощицы, где летом он «охотился» за грибами. Каждое дерево, каждая тропинка и забор, мимо которых они проходили, были до боли знакомы Ивану.

Вдруг Ваня резко остановился и схватил отца за руку. Глаза его были мокрыми от слез.

— Мне трудно, папа. Я хочу, чтобы ты знал. Я никогда больше не увижу Молдавию.

Они крепко обнялись по-мужски.

Такие вещи как магнитофон были чужды крошечному домику Моисеевых. Но брат Желвак из Слабодзеи пришел к Ивану домой в последний вечер перед его отъездом с магнитофоном. Он был в восторге от своего плана. На протяжении нескольких лет он записывал христианские передачи, которые ловил на коротких волнах приемника, а затем давал возможность прослушать желающим. Он решил записать рассказ Вани о чудесных деяниях Господа, которые Иисус совершил для Ивана в армии. Запись они смогут потом размножить и пасторы повезут ее по всей Молдавии. Какая слава будет от этого Богу!

Когда Иван начал записывать свой рассказ на пленку, Анна Константиновна расплакалась, услышав повествование сына. Из писем Вани она догадывалась, что ему нелегко служится. Об этом он прямо не писал, но мать умела читать между строк. Василий Трофимович надеялся, что когда она увидит Ивана, страхи улягутся, но с момента возвращения Ивана Анна Константиновна почти не спала и смотрела на своего сына с такой глубокой тревогой, что Ивану захотелось ее успокоить.

— Все в руках Господних, мама, — утешал он ее. — Ты должна молиться. Будет так, как захочет Бог. Наша забота — быть достойным Его.

Встретившись глазами с Иваном, Анна попыталась улыбнуться, но в них была такая тоска, что сердце Ивана сжалось.

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ — ПО-ВОЛЧЬИ ВЫТЬ

Мальсин беспокойно расхаживал по своей квартире, переходил от окна к окну, глядел вниз на оживленную керченскую

улицу, ища глазами маленькую фигуру жены, которая должна была вот-вот возвратиться домой. Его десятилетний сын склонился над тетрадками, разложенными на письменном столе.

— Мама скоро придет Она сказала, что зайдет еще в магазин, — сказал он, видя, как нервничает отец.

Мальсин кивнул головой и резко опустился в кресло. В деле Моисеева наметился сдвиг. Он был доволен. В это время за дверью послышались шаги.

— Мама пришла!

Галина Ивановна закрыла дверь и поставила на пол тяжелую сумку. Она справилась о делах сына в школе и прошла на кухню. Мальсин последовал за ней.

— Ты не представляешь, как я рад, что у меня, наконец, с Моисеевым не будет никаких проблем. Сегодня он вернулся в Керчь и его уже арестовали.

— Я не желаю ничего знать об этом. Мы же договорились не обсуждать дома этот вопрос. Я не хочу слышать о Моисееве!

Галина Ивановна выбежала из кухни.

Несмотря на лето, в камере было довольно холодно. Высоко в стене, почти под потолком, в крошечное окно можно было увидеть кусочек ярко-голубого неба. Оно простиралось над тюрьмой, над Симферополем и дальше, над необъятными просторами полей, над холмами с буйной растительностью и, наконец, над благоухающими виноградниками Молдавии.

Иван часами смотрел на этот голубой кусочек неба. Наконец, он отвел глаза и попытался сосредоточиться на молитве. Его охватило чувство невесомости, освобождения от телесной оболочки. Казалось, реальная жизнь прекратилась и он находился здесь в каком-то подвешенном состоянии, неспособный ощущать реальность событий, происходящих вокруг него. Может быть, предчувствие смерти было плодом его воображения?

Вообще-то он больше боялся не смерти, а возможности отречься от Бога, от Божественной любви, которая так часто словно наполняла его тело теплотой, дающей силы к жизни. Он не представлял себе, что можно сделать с человеком за закрытыми дверями специальных камер, чтобы заставить его публично отречься от своих взглядов.

Ему казалось, что нечто похожее на тень медленно перемещалось по камере. Было невозможно избавиться от одной

мучительной мысли, которая тысячу раз приходила к нему в различных формах: в конечном итоге его смерть ни к чему не приведет. Иван снова почувствовал невыносимую муку и зашагал по камере. Мысль об уходе из жизни терзала его. Когда-то будущее представлялось ему полным доброты и милосердия на протяжении всей жизни. Образы его семьи, дома, друзей возникали перед ним. Он подумал о невесте, которой у него никогда не будет.

— Я схожу с ума! — говорил он сам себе. Ему твердили не раз, что религия приводит к безумию. В отчаянии Иван сосредоточился на Священном Писании.

— Спаси меня, о Боже! Ибо воды добрались до моей души. Меня глубоко затянуло в болото и нет точки опоры. Я попал на глубину и поток захлестывает меня. Я устал плакать; в горле пересохло; я теряю зрение, ожидая своего Бога. Тех, кто меня ненавидит больше, чем волос у меня на голове. Те, кто хочет уничтожить меня, очень сильны. О, Боже! Только Ты знаешь мои слабости, я не прятал от тебя свои ошибки. Пусть на тех, кто ждет Тебя, не падет позор из-за меня, о Господь Бог верующих. Пусть те, кто ищет Тебя, не будут унижены из-за меня, о Господь Бог Израиля!

Перед ним внезапно возникло лицо Прохорова, сержанта из Армении. Он опять увидел ту прекрасную улыбку, с которой он встретил Ивана, возвратившегося с уборки урожая. Сержант уверовал и эта мысль облегчала боль Ивана. Он тихо сидел на металлической койке в камере. Он весь съежился, думая о предстоящих испытаниях, но неужели Бог не останется верен себе?

— Будь стойким, будь стойким, — твердил он вслух себе. — Следуй вперед по команде Христа.

Военный прокурор в Симферополе собрал те же нелепые обвинения, которые Иван слышал до этого мною раз от политработников в Керчи. По ст. 142 его обвиняли в нарушении Закона, который заключался в том, что он был членом незарегистрированной баптистской организации в Молдавии. В самой Керчи он тоже посещал нелегальные собрания. Согласно ст. 190, § 1 Уголовного кодекса его обвиняли в распространении литературы, содержащей якобы клевету на советское государство. В качестве вещественного

доказательства не в его пользу было предъявлено и письмо, написанное им родителям, в котором Иван говорил о том, что страдает во имя Христа.

Судебный исполнитель взял небольшой документ и зачитал несколько строк: «Свободное отправление религиозных обрядов гарантируется до тех пор, пока они не нарушают общественный порядок и не посягают на права граждан советской республики». Он окинул Ивана неторопливым взглядом и продолжил:

— Неоднократно, товарищ Моисеев, вы посягали на права своих товарищей — солдат вашего отделения и роты, а также других подразделений, с которыми вы контактировали. Ваше постоянное соблюдение молитв и проповедей является невыносимым для тех, кто окружает вас. Вам неоднократно приказывали не беспокоить других, но вы не подчинялись. Сегодня вам предоставляется еще одна возможность принять решение суда, признаться в своей антисоветской деятельности и публично сознаться в ошибочности своих взглядов. В вашем распоряжении три дня на обдумывание.

Из Симферополя на три дня его снова отправили в Керчь. Опять возобновились допросы. Если он не уступит, — размышлял Мальсин, — то будет отправлен для беседы в политуправление Одесского округа, прежде чем вернется в Симферополь для окончательного решения». Его мало беспокоило, на какой стадии Моисеев сломается, но то, что это произойдет, он не сомневался.

Действительно, было так много переездов, слушаний, что он утратил чувство времени. Он был голоден, его оскорбляли охранники, за последние две недели он нормально не спал. Во время одной из бесед он сказал:

— Я никогда не докучал другим проповедованием своих взглядов. Но когда к этому проявляли интерес, я рассказывал о любви Бога и Его заботе обо мне и о всех тех, кто любит Его. Я не считаю за преступление дать голодному хлеб. Многое из того, что случилось со мной и с другими — чудо! В ваши дни многие говорят, что Бога нет, однако Он творит чудеса, потому что любит всех людей и хочет, чтобы все люди были спасены. Единственным религиозным обрядом, который я соблюдал на базе, была молитва. А какой закон запрещает советским гражданам молиться? Вы говорите, чтобы я молчал о своей вере, но любовь Бога нельзя скрыть. Я не прошу о

милосердии, ибо милосердие исходит от Бога. Я с радостью сяду в тюрьму. Мне говорили, что меня осудят на 7 лет. Еще одна отсрочка чтобы я пересмотрел свои взгляды, бесполезна. Я не могу отречься от Бога, который дал мне так много счастья. Я могу только воздать Ему хвалу.

СМЕРТЬ ЗАБИРАЕТ НЕ СТАРЫХ, А СОЗРЕВШИХ ДЛЯ НЕЕ

С каждым днем Иван все более четко представлял себе, что его ждет в будущем. Ему постоянно угрожали заключением в тюрьму, если он не изменит свои взгляды.

Все утро 16 июля Мальсин был занят с делегацией партийных работников из Югославии. Около полудня ему удалось освободиться и уйти с прощального обеда.

Сегодня был последний день отсрочки для Моисеева и офицер особого отдела почти все утро ожидал Маль сина в его кабинете. В душе Мальсин ликовал, что смог разработать план действий в отношении Ивана. Каждую деталь плана он тщательно продумал. Секретность, ставшая возможной в Симферополе, будет соблюдена и здесь, в Керчи. Не будет никаких догадок и ненужных разговоров среди солдат.

Согласно плану Моисеев должен будет один отправиться в местное управление КГБ как будто для выполнения обычного поручения командира. Печально, конечно, что придется принять суровые меры. Но ради конечной цели, по его мнению, ради очищения солдатских умов, иногда такие меры необходимы. Пусть, в конце концов, ему чекисты промоют мозги...

А в КГБ мастера своего дела! Мальсин поднял трубку телефона... Через несколько минут Моисеев окажется в звуконепроницаемом кабинете органов госбезопасности. Сегодня он сломается!

Мальсин никогда серьезно не задумывался над тем, что Моисеев предпочтет умереть, чем отречься от своей веры. Это не входило в его планы. Смерть Моисеева не волновала и КГБ: люди военные, всякое может случиться... Но для Мальсина столь грубая работа означала конец его мечтам о победе.

Несмотря на июльскую жару полковника трясло от холода. Во рту пересохло. Голова раскалывалась. Не веря своим глазам, он, не отрываясь, смотрел он на безжизненное тело Моисеева, лежащее на полу звуконепроницаемой комнаты. Теперь нужно будет представить объяснение о случившемся, рассеять сомнения сослуживцев, оповестить о случившемся родителей. Но как все-таки объяснить солдатам причину смерти Моисеева?

Маленькие струйки крови продолжали медленно вытекать из колотых ран Ивана. В КГБ явно переусердствовали... Нелегко будет представить смерть как несчастный случай.

Мальсин быстро вышел из камеры. «Пусть топят его, если хотят. Море рядом. Ах, если бы быстрее прекратилась эта невыносимая головная боль».

СИЛЬНЫЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СИЛЬНЕЕ

С той самой минуты, как Анна Константиновна взяла в руки жуткую телеграмму, она решила не плакать. Ей казалось, что внутри у нее взорвалось пушечное ядро, оставляя после себя так мало, что если она заплачет, силы, и без того слабеющие, совсем ее покинут. Она послала сынишку, чтобы тот сбегал на поле за мужем.

Весь долгий путь в Керчь глаза ее оставались сухими. Поля по обе стороны скрипучего поезда, казалось, плавились в ослепительно желтом сиянии палящего солнца. Она удивлялась, как мог Семен так долго смотреть на этот сверкающий пейзаж.

Все правильно. Семен как самый старший из детей должен был поехать с ними, чтобы помочь все организовать, но Анна жалела, что он не остался дома. Ей было тягостно от того, что она не смогла откровенно поговорить об этом с мужем. Семен слишком искренне верил телеграмме, представляя себе все подробности того, как брат тонул, и иногда повторял вопросы, заставляющие ее глубоко страдать. «Как это могло случиться, если рядом, наверняка, были его товарищи? Почему его не удалось спасти? Как мог произойти этот нелепый случай? »

В такие мгновения Анна вопросительно смотрела на мужа. Какая у сельского мальчишки была возможность научиться плавать, если он и речки-то никогда не видел? Вся семья знала,

что Иван не умел плавать. Даже если бы вообще не было никаких писем или если бы он не приезжал в отпуск домой и не рассказывал о том, что действительно происходит, все равно они распознали бы какую-то лживую нотку в том, что их сын утонул.

Анна была поражена размерами Керчи. Улицы этого морского порта были переполнены военнослужащими, в воздухе висел запах рыбы, крики чаек смешивались с шумом транспорта. Ее худое лицо покраснело от того, что в июльскую жару на ней были черное платье и черный платок. Продавец мороженого показал им, где находится автобусная остановка, откуда они могут попасть в воинскую часть.

Анна не ожидала личной встречи с подполковником Мальсиным. Когда он заговорил, она крепко ухватилась за руку мужа, испытывая сильную муку. Нужно было выполнить некоторые формальности.

Казалось, что случившееся было ужасным ударом и для подполковника. Анна обратила внимание на его дрожащие руки и искаженное лицо. Он пригласил их в свой кабинет.

Полная тяжких предчувствий, Анна с трудом разбирала его сиплый голос.

— Есть нечто, — начал он, — о чем вы должны знать.

Мальсин заговорил еще тише.

— Я присутствовал, когда ваш сын умирал. Он боролся со смертью. Его смерть была трудной, но он умер, как христианин.

Анна в оцепенении смотрела на подполковника. Правильно ли она поняла? Странно как-то было слышать такие слова от него. Спокойный голос ее мужа прервал молчание:

— Спасибо, что сказали нам об этом. Мы не сомневались, что он будет верен Господу до самой смерти.

Мальсин встал и зашагал по кабинету. Что с ним происходит? Почему он чувствует необходимость говорить о Моисееве? Он утонул. Важно было помнить об этом. Мальсин глубоко вздохнул и зажег еще одну сигарету.

Горячий ночной ветерок дул в слегка приоткрытое окно поезда. Они ехали назад в Волонтировку. Анна не удивилась, что Семен не сказал им ни слова о том, о чем так долго беседовал с Мальсиным. Анна разглядывала отражение своего сына, стоявшего у окна вагона. Маленький полумесяц в черном небе, находившийся прямо над его головой, был похож на серп. Вагон

был заполнен отдыхающими, некоторые из них дремали, покачивая головами, другие делились колбасой и сыром, взятыми с собой в дорогу. Анна отвернулась и заплакала.

По обычаю они пронесут его тело вдоль села в открытом гробу. Анна продолжала плакать, а в противоположном конце переполненной комнаты мужчины готовили Ивана к похоронам. Его переодели в гражданскую одежду, сестры принесли много цветов, чтобы положить их внутрь гроба. Она непроизвольно открыла глаза, когда услышала голос мужа. Повернувшись в его сторону, Анна увидела у него в руках какой-то лист с подписями и вспомнила, что он говорил ей, что хочет, чтобы люди, увидевшие труп его сына, подтвердили, что внешний вид покойного не соответствует написанному в свидетельстве о смерти.

Вдруг верующие запели. Анна неуклюже поднялась, поддерживаемая сестрами, которые сидели с ней на маленькой тахте. Гимн «Я — пилигрим» полился в открытые окна на улицу и благоухающие летние поля вдали. К этому времени в крошечном доме собрались уже многие жители села. Но еще больше людей стояли и слушали возле дома. Она знала, что за этим последует одна или две проповеди. Наверное, даже будучи мертвым, Иван приобщал людей к Господу. Большинство молодых людей никогда не видело христианских похорон. Верующие пели до тех пор, пока один брат не направился к изголовью гроба с открытой Библией. Последние звуки гимна затихли и, прежде чем он заговорил, все смолкли. Он начал тихим голосом: «Благословенна в глазах Бога смерть его святых».

Женщины тихо заплакали.

Сияние солнца слепило Анну, когда она шла рядом с мужем за гробом. Пусть все увидят, что сделали с ее сыном! Большинство верующих снова запели. Анне было трудно петь, потому что слова песен разъедали ей душу: «Для меня жизнь —это Христос, а смерть — победа», «Не бойтесь тех, кто убивает тело, но не может убить душу». Пусть знает село и все, кто услышит об этом, что мы не слепы и знаем, что произошло!

Процессия медленно двигалась по дороге от села к кладбищу. Перед гробом несли большой портрет Вани, сделанный во время его отпуска. Юношеское лицо смотрело на людей, как будто пытаясь сообщить о чем-то очень важном. Многие работающие в

поле, завидев процессию, покидали работу и присоединялись к шествию.

Могилу выкопали в березовой роще на углу кладбища. Длинная процессия собралась под тенью деревьев, верующие запели, а пастор открыл Библию и прочитал еще одну проповедь, бросая частые взгляды на большую толпу колхозников и стариков с малыми детьми, слушающих его слова.

Было нечто неумолимое в том, как разворачивались события. Анна резко схватила мужа за руку. Гроб накрыли крышкой и опустили в землю. Верующие пели «В наш дом на небеса». Анна с болью смотрела поверх склоненных голов своих всхлипывающих младших детей на лица юношей и девушек, которые были друзьями Ивана. Они положили на могилу цветы и венки. На черной ленте одного из венков было написано: «Для меня жизнь — это Христос, а смерть —победа».

ЭПИЛОГ

Через 12 дней после похорон Моисеевы направили официальный протест в Москву (см. следующие за эпилогом документы), в котором потребовали немедленного расследования случившегося с участием двух местных христианских врачей.

Быстрого ответа не последовало. Тем временем часть, в которой служил Иван, была расформирована. Солдат разбросали во все концы Советского Союза. Мальсин был уволен с занимаемой должности.

СЦЕХБ немедленно предал широкой огласке, каким пыткам подвергают заключенных. Об этом рассказал нелегальный бюллетень. В дом Моисеевых потоком хлынули письма с соболезнованиями. История вскоре дошла до западных редакций и была опубликована как в светской, так и в религиозной прессе тридцати стран, вызвав волну опровержений в Советском Союзе.

Многие верующие, передававшие эту историю из уст в уста, были арестованы и осуждены. Два пастора из Свердловска предстали перед судом. Один за то, что просто показал фотографию трупа Ивана на церковном собрании, не делая при этом никаких комментариев. По словам верующих двадцать два

человека были арестованы за распространение сведений о смерти Ивана.

Молитвенные дома подвергались постоянным обыскам с целью нахождения и изъятия документов, писем и магнитофонных записей об Иване.

В середине сентября 1972 года комиссия по расследованию причин смерти солдата наконец приехала в Волонтировку. 52 дня прошло после похорон. Прибывшие начали допрашивать каждого жителя села, подписавшегося под петицией, направленной в Москву.

На следующий день тело Вани было эксгумировано. При этом было разрешено присутствовать только родителям и одному брату.

Ни один из отчетов комиссии не был предан гласности.

Отдельные люди говорили о Сергее, христианском друге Ивана, что он тоже подвергся гонениям на заключительном этапе службы в армии и ему тоже назначались крайние сроки для перевоспитания.

АКТ

19-20 VII-72

Мы, нижеподписавшиеся, являемся свидетелями того, что привезенный труп Моисеева Ивана Васильевича, 1952 года рождения, с военной службы в г. Керчь, в/ч 61968 «Т» с диагнозом «Механическая асфиксия от утопления» не подтверждается свидетельством о смерти №286064 БАП и утверждаем, что смерть наступила в результате умышленного насилия.

Подтверждаем снимками и фактами: сердце проколото шесть раз, ноги и голова сильно побиты, на груди ожог.

Свидетели села Волонтировки:

1. Моисеев В.Т.
2. Моисеева А.К.
3. Моисеев В.В.
4. Моисеев С.В.
5. Моисеева Ю.
6. Чапкий С.П.
7. Албу С.И.

8. Прокопович М.М.
9. Роману Д.Е.
10. Слюсаренко А.С.
11. Бутеску В.Г.
12. Паскарь Т.М.
13. Албу М.Ф.
14. Ефремова А.И.
15. Манкош Е.Е.
16. Ефремов Я.Ф.
17. Ефремова А.С.
18. Котелник А.Ф.
19. Шорова И.И.
20. Бломицкая А.М.
21. Колисниченко Е.И.
22. Тома Т.А.
23. Тома Е.С.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПИСЕМ ИВАНА РОДИТЕЛЯМ

Дата неизвестна

Мир вам, мои дорогие родители! Братья во Христе из Запорожья провели со мной некоторое время. Я счастлив, несмотря на то, что кое-кто из собрания союза (ВСЕХБ) предал меня на прошлой неделе за то, что я воздавал хвалу Христу.

Несмотря на то, что я солдат, я служу Господу, хотя имеются трудности и испытания. Иисус Христос велел мне нести слово Божие в этом городе на любом собрании, в воинской части, офицерам и солдатам. Я был в штабе дивизии и в особом отделе. Хотя это было и нелегко, Господь постарался, чтобы все прошло нормально. У меня была возможность нести слово Божие самому старшему офицерскому составу, но меня обругали и вышвырнули с собрания.

Спасены будут те, кто живет не по человеческой воле, а по воле Бога. Следуйте заповедям Иисуса. Позже я вам расскажу о тех чудесах и откровениях, которые я пережил.

В Господе ваш Ваня.

15 июня 1972 г.

С христианским приветом, мои дорогие родители! Я получил ваше письмо и очень обрадовался. Я хочу сказать, что благодаря милости и любви нашего Отца, я здоров. Я писал вам о том, что Господь сообщил мне истинный путь и то, как должны жить все христиане. В следующем письме вы узнаете об этом, ибо Господь открыл мне все.

Мои дорогие родители, когда я был дома, Ильюша обучил меня одному псалму. Я просил, чтобы вы переписали его. Я рад, что Ильюша уже учит псалмы и обучает своих старших друзей петь их. Вчера я был на собрании верующих в Керчи, так как мы не связаны с союзом (ВСЕХБ). Там был брат из Сочи. Они знают обо мне. Посещение собрания мне понравилось. Все здешние верующие и верующие из Сочи шлют привет во имя Бога всем братьям Молдавии.

Мои дорогие родители, Господь указал мне путь и я должен следовать по нему. Но я не знаю, вернусь ли, ибо битва стала труднее, чем была вначале. Теперь мне предстоят более суровые и тяжелые испытания, чем были раньше. Но я не боюсь их. Он указывает мне путь. Не горюйте обо мне, мои дорогие родители. Просто я люблю Иисуса больше, чем самого себя. Я иду на это, ибо не ценю свою жизнь так дорого, как ценю Его. И я не последую своей собственной воле, а пойду туда, куда Господь поведет меня. Он говорит: «Иди» — и я иду.

Не печальтесь, если это будет последнее письмо вашего сына. Ибо я сам, когда я вижу и слышу видения, слышу, как ангелы говорят и видят, я сам удивляюсь и не верю тому, что Ваня, ваш сын, разговаривает с ангелами. У меня тоже были грехи и неудачи, но за мои страдания Господь снял их. И я не живу так, как хочется мне самому, а так, как желает того Господь.

А еще я хотел бы сказать насколько слов тем, кто не верит в нашего Господа Иисуса Христа. Вы и Семен, мой дорогой брат, знаете, что небесный Отец может дать вам вечную жизнь. Даже я устал убеждать вас в этом. С тех пор многое произошло, и я далеко от вас. Но я хочу, чтобы ты, Сеня, знал, что Бог существует. Знай и верь, что я говорил с ангелами и даже летал с ними на другую планету, где ожидает нас вечная жизнь. Верьте, верьте, если можете, верьте все, кто еще не познал Его. Я

пишу это для вас, так как я видел все это и знаю, что это существует.

30 июня 1972 г.

Приветствуем всех вас и шлем вам огромную любовь Иисуса Христа. Наименьший из всех братьев, Ваня, пишет вам.

Пока что я могу писать вам это письмо свободно, и вы можете узнать, что за моей радостной встречей с Сергеем последовала не одна, а много бурь. Я благодарен за все: за те минуты, когда не было ни бурь, ни даже противных ветров, иначе они могли бы надоесть. Но сейчас я привыкаю к этим бурям.

О, как прекрасно и чудесно то, что далеко от нашей земли есть счастье! О, братья, храбро идите вперед. Не бойтесь, если на своем пути к небесной цели вам предстоит пройти через огонь.

Если ваше сердце полюбит что-нибудь сильнее, чем Христа, тогда вы не достойны следовать за Ним.

А теперь я хочу написать вам о том, как прекрасны будут тела у ангелов и у нас, если мы будем верны до смерти. Я очень хотел увидеть ангелов и я увидел их; я видел, как они были одеты и рассказывал вам о них. Но их тела не похожи на наши — они прозрачны. Вы можете смотреть и видеть сквозь них, как через стекло, и внутри, и снаружи они чисты, чисты, как хрусталь, как стекло. Можно увидеть все, что у них внутри. Они не имеют ни единого греха, ни одного дефекта. Именно такие духовные тела приобретем и мы когда-нибудь. В таких оболочках мы сможем видеть и ангелов, и небесного Отца; мы будем знать, кто что думает. О, какое счастье, какая чистота, какая любовь существует там! Как все чисты, и даже если вы отполируете наилучшее стекло, оно будет мутнее, чем тела тех, кто ожидает нас. С нетерпением жду ответа. Дорогие братья, я желаю, чтобы все вы отправились на эту небесную землю.

9 июля 1972 года.

Приветам вашего сына скоро придет конец. Я слаб, но я все еще приветствую вас с любовью Иисуса Христа и миром Бога. Мне запретили проповедовать Иисуса, я подвергаюсь мучениям и испытаниям, но я сказал им, что я не перестану нести слово Иисуса. А Господь пристыдил их перед всей частью за то, что они мучают меня. Встал солдат, который таким чудом отправился в

отпуск, всем все рассказал, и спросил: «Чья это была воля?» Руководству нечего было сказать. Затем меня спросили, почему это дерево зеленое, а другое — сухое, хотя оба растут рядом, зеленое и сухое. Я спросил их, в чем разница. Они ответили: «Разница большая и заключается в том, что одно дерево — живое, а другое — мертвое». А я сказал им, что именно в этом разница между верующим и антихристом. Они все еще в замешательстве и оцепенении.

11 июля 1972 г.

Приветствую всех вас с любовью Иисуса Христа. Это письмо пишет вам Ваня. Я очень рад за вас и, возможно, мы еще сможем встретиться. Может быть, вы уже поняли, что мне запрещено выносить приговор. Но я изо всех сил работаю на Христа. Я не хочу хвастаться, но я хочу, чтобы вы знали это, и надеюсь, что вы не забываете меня в своих молитвах.

10 числа этого месяца, вечером, я восхвалял Иисуса Христа и после длительной дискуссии один солдат стал верующим. Я был очень рад и почувствовал прилив сил. Другой встречи с Сергеем не было. Слава Господу за все. Если я увижу вас, я расскажу вам обо всем в деталях, гак как написать в письме об этом не могу.

14 июля 1972 г.

Работы много, но я выполняю приказ Иисуса. Испытания великие, да и страдания не легкие. Мне нужно многое написать, но я не могу обо всем писать в письмах. Я ожидаю визит Сергея, как обещал Господь. Ах, если бы не было постыдным говорить о Господе! Все видели чудеса и говорят, что Бог, действительно, существует. Я посажу семя и пойду дальше, как учит меня Господь посредством Святого Духа и ангелов.

Сейчас я тайно хожу на собрания, хотя это запрещено. Братья всем шлют поклон. И я всем кланяюсь: Слабодзее и Ерноклею (сельские ЕХБ церкви).

Мне бы хотелось, чтобы Сеня и Галя могли поверить и увидеть могущество Господа, убедиться, что Он существует, как знают все, кто находится здесь: офицеры и солдаты говорят, что Бог есть и боятся Его, ибо они видят Его чудеса и могущество. Мне бы также хотелось, чтобы бабушка могла поверить в Бога и

чтобы она знала, что путь, по которому идет она, ведет в ад. Иисус Христос все еще зовет вас, Он даст вам вечную жизнь. Верьте в истину. Если вы узнаете, что я не на свободе, тогда знайте, что здесь, в Керчи, я оставил записную книжку, в которой описал все чудеса. Может быть, вы сможете приехать или вам как-то передадут ее. Господь знает все. Будьте настоящими христианами. Он поддержит вас и наделит вас Своей силой.

Просите, ибо Он богат на все, и все, что вы пожелаете, Он легко вам даст.

Я не забываю вас в своих молитвах.
В Боге, Ваня

15 июля 1972 (брату Владимиру)

Дорогой брат! Я получил твое письмо и отвечаю на него с опозданием, потому что была сильная буря. Когда пришел Сергей, даже ему осталось.

У него конфисковали литературу и даже почтовые открытки. Не рассказывай обо всем родителям. Скажи им только: «Ваня написал мне письмо. Он пишет, что Иисус Христос собираются вступить в борьбу. Это христианская битва, и он не уверен, выйдет ли он из нее победителем».

Я очень хочу, чтобы вы все, дорогие друзья, молодые и старые, помнили 1 строчку Апокалипсис 2:10 — «Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни».

Получи это последнее письмо, написанное да земле самым младшим из братьев.

Ваня

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ МОИСЕЕВЫХ

Кому: А.А. Гречко, Министру Вооруженных Сил СССР

Л.И. Брежневу, Генеральному Секретарю Центрального Комитета КПСС

К. Вальдхайму, Генеральному Секретарю ООН

Международному Комитету Защиты Прав Человека при ООН

Профессору М-В. Келдышу, Президенту Академии Наук СССР

Председателю Союза Писателей СССР

Редакторам газет «Советская Россия», «Правда», «Известия»

Союзу Церквей ЕХБ в СССР

Совету Родственников Заключенных в СССР (СРЗ)

Всем христианам

От кого: Родителей Моисеева Ивана Васильевича, убитого в результате пытки за его верность Богу в рядах Советской Армии, жителя села Волонтировки, Суворовского района, Молдавской ССР

«Всякий, видевший это, говорил: не бывало и не видано было подобного сему от дня исшествия сынов Израилевых из земли Египетской до сего дня»

ЗАЯВЛЕНИЕ-ОБВИНЕНИЕ

16 июля 1972 года наш сын и брат Моисеев Иван Васильевич, родившийся в 1952 г. погиб за свои убеждения и веру в Бога ужасной смертью мученика в г. Керчи, находясь на службе в Советской Армии (в/ч 61968 Т).

Весь в ранах, изможденный от пыток, но все еще живой, в присутствии подполковника В.И. Мальсина, он был насильственно утоплен в Черном море на глубине 156 см, в то время как он был ростом 185 см.

В свидетельстве о смерти говорится: «Механическая асфиксация от утопления». Результаты вскрытия гласят: «Смерть наступила в результате насилия».

17 июля 1972 года в 8.00 утра мы получили телеграмму: «Ваш сын трагически умер. Просим известить нас о своем приезде». Прибыв в Керчь, мы заявили о том, что желаем похоронить его в родном селе. Нам показали лицо нашего сына в гробу, после чего гроб заварили. С нами был наш сын Семен, комсомолец, которого командир в/ч вызвал отдельно в свой кабинет и очень долго беседовал с ним о чем-то, о чем Семен не сказал нам ни слова.

Для участия в похоронной церемонии и доставки гроба в село Волонтировку от в/ч были посланы капитан В.В. Платонов и сержант, которые доставили гроб в село 20 июля 1972 года. Получив гроб с телом нашего сына, мы решили осмотреть тело и сфотографировать, поэтому нам пришлось взламывать сварные швы крышки гроба.

Платонов В.В. и сержант встревожились, увидев это, и тут же заявили, что они торопятся, быстро сели в машину и исчезли. Открыв гроб, мы стали снимать одежду, чтобы осмотреть тело, но наш сын Семен не позволял нам делать это, умоляя родственников фотографировать его одетым. Те, кто присутствовали при этом, видели следы на теле: в области сердца было нанесено 6 глубоких проколов, сделанных круглым предметом, на голове справа и слева были видны ссадины, ноги и спина были жестоко побиты, большие ожоги на груди, так что было слышно постукивание пальцами по коже, синяки вокруг рта. Все это подтвердили 23 свидетеля, жители села Волонтировки в акте, датированном 20 июля 1972 года (акт прилагается).

Из беседы с командиром части В.В. Мальсиным следует отметить следующее: 16-го утром он был занят, принимая в части группу гостей, а днем поехал с Моисеевым на машине ГАЗ-69 на пляж. По словам же видевших Мальсина солдат, он уехал в «Победе» вместе с неизвестными людьми в штатском, а Моисеев последовал за ними один на машине ГАЗ-69 в неизвестном направлении.

19 июля 1972 года, передавая тело Моисеева, Мальсин утверждал: «Моисеев умер трудно, он боролся со смертью, но он умер как христианин. Сегодня я курю 17-10 пачку сигарет».

(Затем следуют отрывки из магнитофонных записей Ивана и писем, чтобы подтвердить его преследования в армии).

Мы хотим еще раз повторить слова подполковника Мальсина В.В.: «Моисеев умер трудно, он боролся со смертью, но он умер как христианин».

Мы, родители, требуем, чтобы:

1. Немедленно была прислана комиссия медицинских экспертов для проведения вскрытия и установления причины издевательства над телом нашего сына.

2. Было проведено расследование, найдены и осуждены преступники, пытавшие его.

3. Мы, родители-христиане, имеем четверых других сыновней моложе Ивана, которым еще предстоит служба в армии, но до тех пор, пока убийцы не будут найдены и осуждены, пока не будет дана необходимая гарантия безопасности наших верующих детей в армии, мы не отдадим наших четырех сыновней.

4. Принимая во внимание то, что верующие в нашей стране подвергаются незаслуженным оскорблениям и очернению, что многие случаи с жертвами были намеренно искажены, мы считаем, что комиссия экспертов будет не достаточно объективной без участия врачей от христиан, поэтому мы дадим наше согласие на вскрытие тела нашего сына только при условии, что оно будет произведено в присутствии наших родственников и двух врачей из верующих, которых мы представим в день прибытия этой комиссии. Мы просим, чтобы нас поставили в известность о прибытии членов комиссии заблаговременно за 4 дня.

К этому заявлению прилагаем следующее:

1. Акт, подписанный свидетелями. 2. Копию свидетельства о смерти. 3. Фотографии будут представлены экспертной комиссии как только будет произведено вскрытие.

С уважением: (подписи) Моисеев В.Г., Моисеева А.К., Моисеев В.В., Моисеев Р.В., Моисеева М.В.

Ответьте, пожалуйста, по адресу:

Молдавская ССР, Суворовский р-н, с. Волонтировка

1 августа 1972

5 января 1973 г.

Материал, переданный по радио, опубликованный во многих российских газетах.

Жарким июльским днем 1972 года солдат по имени Иван Моисеев утонул приблизительно в 100 м от берега у мыса Борзовка возле города Керчь. Вместе с ним в воде находились другие купающиеся, поэтому товарищи быстро вытянули его на берег. Было сделано все, чтобы спасти его. Сначала ему было сделано искусственное дыхание, а затем непрямой массаж сердца.

Прибывшая на скорой помощи врач Е. Новикова ввела ему в сердце адреналин, а в вену эфедрин. Однако борьба за его жизнь была тщетной и, как показало последующее вскрытие, потерпевший скончался вследствие внезапно наступившего в воде паралича сердца.

Смерть юноши была принята очень близко к сердцу его товарищами по службе. Однако вызывает сожаление тот факт, что некоторые из них предполагают, что этот несчастный случай мог быть спровоцирован руководством воинской части. Так как его родственники принадлежали к Евангельским Христианам Баптистам, руководители Совета Церквей Евангельских Христиан Баптистов решили использовать смерть их «брата» в целях провокации. Они объявили тем, кто собрался на похороны Моисеева в с. Волонтировка (Молдавия), что Иван был «замучен пытками», в то время как следы на его теле были результатом попыток спасти его жизнь, а также как результат вскрытия, но они были ложно истолкованы как последствия ужасных пыток. На похоронах провокаторы собрали подписи под клеветническим « документом ».

Я НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Мой брат мертв. Трудно поверить в это. Ибо ему было только 20 лет, когда бессмысленно оборвалась его жизнь. Для меня он всегда был и останется очень дорогим человеком.

Мы выросли под одним кровом; нас обоих ласкали нежные руки нашей матери. Мы ходили в одну школу в с. Волонтировка, Суворовского района. Я жалею об одном. Я разорвал цепи, которыми баптисты сковали нам руки и ноги, а Иван этого не смог.

Его не стало. Так называемые братья во Христе устроили плач почти на весь мир, утверждая, что Иван страдал из-за своей веры,

что его утопили насильно. Я не могу молчать, когда некоторые люди несут всевозможную чушь, ставят под угрозу наши советские законы и бросают тень на советский народ. Вы лжете, вы очерняете память о моем брате, вы клевещете на мою мать и моего отца. У нас с ним были разные взгляды на мир. Он оставался верующим, а я нет. Однако, разница во взглядах не делала нас врагами. Иногда мы спорили. Я думал, что это не продлится долго, что мой брат порвет с баптистами. Я был опечален, когда узнал, что с Иваном случилась беда.

Вместе со своими родителями я поехал в Керчь, чтобы забрать его тело и похоронить его на родине.

Спустя 10 или 15 дней так называемый Союз Церквей Евангельских Христиан Баптистов составил поддельный документ о смерти моего брата. Я читал этот документ. В нем был совершенный вымысел. Только послушайте; «Существует подтверждение, что Ивана преследовали за его веру, что его наказывали, лишали увольнений в город, подвергали пыткам и т.д.» Все это — клевета.

Мне выпала честь побывать там, где мой брат служил в армии. Я разговаривал с его командиром и солдатами. Они ничего не имели против него. Он добросовестно выполнял свои обязанности, он был шофером командира части, где проходил воинскую службу. За один год службы в армии он получил 7 благодарностей от своего командира. Ему дважды был предоставлен краткосрочный отпуск домой. Баптисты пытаются убедить всех, что Ивана притесняли в армии. Это неправда. Я сам служил и знаю, что солдат не преследуют; даже тех, кто открыто говорит о своих религиозных верованиях. У Ивана были возможности отправлять религиозные обряды, ибо он, как и другие солдаты, получал увольнение. В свободное время он мог идти и посещать собрания верующих.

Баптисты утверждают, что моего брата замучили, а затем утопили. Это вопиющая ложь! Я беседовал с тем, кто присутствовал при этом несчастном случае. Он утонул случайно. Это может случиться с каждым. Действительно, на его теле были следы, но не от пыток или раскаленного железа, как утверждают баптисты. Эти следы были результатом действий, предпринятых теми, кто надеялся спасти Ивана.

Мы привезли тело моего брата домой в цинковом гробу. Здесь я понял, что руководители баптистов что-то замышляют. Они решили сделать снимки умершего. Они оттолкнули меня от гроба; их было много в доме. На похоронах баптисты подсунули чистый листок бумаги одураченным жителям села, чтобы те поставили на нем свои подписи. Люди согласились. Они сделали это, не думая о том, что позже над их фамилиями баптистские руководители составят «акт», в котором они утверждают, что смерть Ивана была результатом преднамеренного убийства. Какая бесчестная подделка!

Кто сделал это? Так называемые баптисты и, прежде всего, их руководители. Иван знал об этих братьях из незарегистрированных организаций, он встречался с ними, однако он не говорил им правды. В свой второй отпуск он сказал всем нам, включая дядю Веребчану, что он доволен службой в армии. Он принял военную присягу. Встречаясь со служителями Бога из тайных обществ в Тирасполе, он сказал, что откажется принять воинскую присягу. Днем позже, после того, как он принял присягу, он встретился со служителями Бога из незаконных обществ в Тирасполе, но не сознался им в том, что все-таки принял присягу. Он ввел их в заблуждение.

Руководители Церкви Евангельских Христиан Баптистов составили письмо от имени моих родителей, в котором обвинялись честные люди. Зачем они сделали это? Да, мои родители-христиане, но они никогда не будут участвовать в грязном деле; они никогда не станут клеветать на наш народ и систему.

Они знают, что советский строй открыл им и их детям дверь в счастливую жизнь. И, если уж в нашей семье случилось несчастье, не пытайтесь воспользоваться этим. Это не пройдет! Мы отмели в сторону вашу клевету! Не ворошите своими грязными руками добрую память сына и брата Ивана.

Ваш документ — это мошенничество. Он понадобился руководителям христиан баптистов, которые дали вам из-за границы приказ составить его. Я знаю, например, что клеветническую информацию о смерти Ивана Моисеева перевели на многие языки, размножили и распространили в 15 странах.

Таким образом, понятно, почему вы так быстро действовали. Но помните, вам не одурачить советских людей.

Молдавская ССР Семен Моисеев, водитель грузовика

Я ЗНАЮ ПРАВДУ

По сложившимся обстоятельствам я лично стал свидетелем того, как погиб Иван Моисеев. Я знаю всю правду о его смерти.

Мы решили отдохнуть несколько дней у моей двоюродной сестры Ларисы. Рано утром ее муж Владимир, военный офицер, предложил показать нам виды Крыма. Наш автомобиль сломался и пока его ремонтировали, Владимир договорился, чтобы нам предоставили военную машину. Мы поехали в Керчь. Водителем был молодой солдат. Позже я узнал, что этим молодым солдатом был Иван Моисеев.

Становилось очень жарко, и мы решили поехать поплавать, поэтому отправились к мысу Борзовка. Владимир сказал детям и водителю: «Не бегите сразу в воду. Сначала остыньте, а потом идите плавать». - Позже он добавил Ивану: «А вы окунитесь и сразу же возвращайтесь к машине. Мы скоро едем».

Они ушли плавать, а я задержался. Пока я беседовал с людьми, вдруг прибежала Лариса и закричала: «Наш водитель исчез» «Как исчез?» — спросил я. Взглянув в сторону, куда указывала Лариса, и увидел, что Владимир все еще плавает и ищет Ивана, а люди с берега кричат и показывают ему, где Иван спрятался под водой.

Позже те, кто находился на берегу, рассказывали, что Моисеев всплыл на поверхность, крикнул что-то и пошел снова под воду.

Прошло 10 минут. Владимир все еще искал Моисеева. Затем вдруг волна выбросила его тело на поверхность. Его сразу же подобрали люди и сделали искусственное дыхание. Они послали меня за скорой помощью. Недалеко находился то ли пансионат, то ли дом отдыха. Я вызвал скорую помощь. А тем временем на берег пришел врач из этого дома отдыха.

Он начал делать Ивану искусственное дыхание. Затем он сказал: «Дайте мне что-нибудь спиртное». Откуда можно было взять спиртное? Мы пошли к палаткам на берегу. В палатках жили туристы. У них было спиртное.

Кто-то кричал врачу: «Скажите, что вам нужно, мы достанем. Лишь бы только этот юноша остался жив»! Но спиртное не помогло.

Прибыла скорая помощь. Моисееву сделали укол. Вскоре приехала другая скорая помощь. Ему сделали второй укол и попробовали еще раз сделать искусственное дыхание.

Около трех часов боролись они за жизнь Ивана, но, к сожалению, все попытки оказались тщетными. Он был мертв.

И теперь, вдруг, я узнаю, что нашлись клеветники, которые воспользовались таким сильным горем в своих провокационных целях. Следы, которые были оставлены на теле Ивана в результате усилий, направленных на спасение жизни Моисеева, используются как доказательство того, что его пытали. Нужно быть чудовищно циничными, чтобы так поступать. Я знаю, откуда исходит клевета. Я присутствовал при встрече с его родственниками тогда, когда они приехали чтобы забрать тело Ивана. Один из них, даже несмотря на постигшее их горе, принялся заверять: «Я знаю, что его убили, они замучили его до смерти». Мне показалось, что он приехал с уже подготовленной версией и искал любую возможность подтвердить ее. Как могут руководители церкви Евангельских Христиан Баптистов говорить о святости и любви к своему ближнему, если у них самих отсутствует элементарная человеческая совесть! К каким высоким идеалам веры могут они призывать своих собратьев по вере?

Нас было человек пятьдесят, и мы были свидетелями смерти Ивана Моисеева. Но если люди, заявляющие, что Иван является их братом, спекулируют его смертью, если они продают свою совесть, то мы не позволим им искать выгоду в несчастье других; мы не позволим им скрывать их грязные души за грязной клеветой.

Л.А. Мартыненко, житель г. Ставрополя.